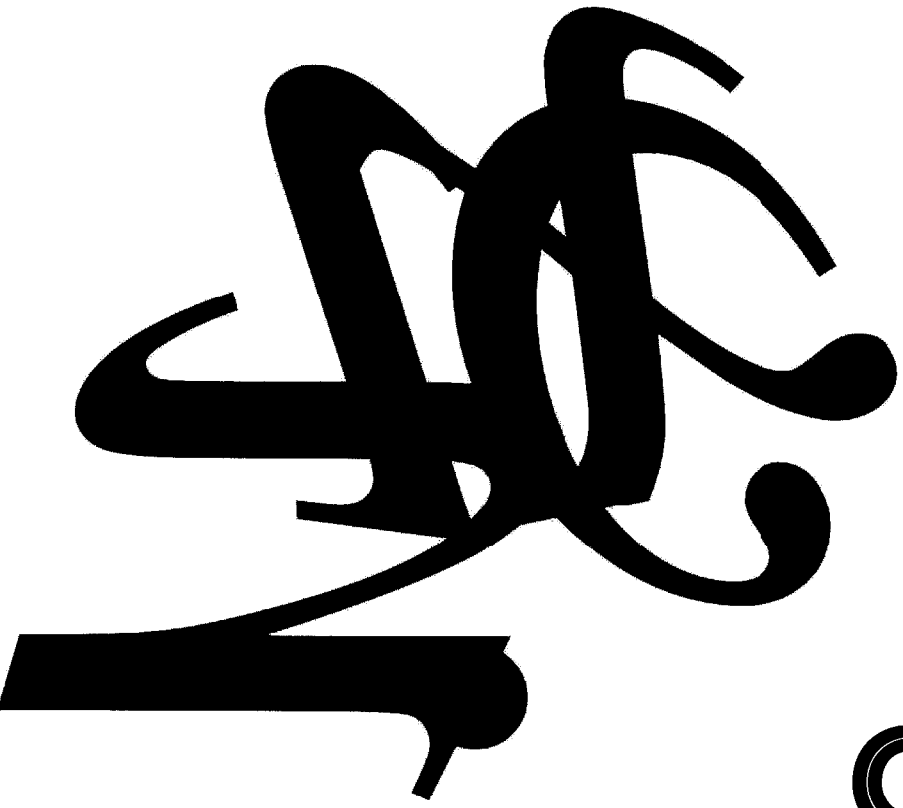


СЛОВА

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ

ЖУРНАЛ / №13

ISSN 2076-8842

مجلة الحقوق

18+

СЛОВА

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ

ЖУРНАЛ / №13

АЛЕКСАНДР МОЦАР
СТИХИ.....2
ЮЛИЙ ИЛЬЮЩЕНКО
ПОЭМА_МОСКВА.....6
ОЛЕГ МИХАЛЬСКИЙ
СТИХИ.....8
АНДРЕЙ БЫЧКОВ
"НИЧЬЯ ВИНА" (ПРОЗА).....10
АЛЕКСАНДР МУРАШОВ
ШЕСТНАДЦАТЬ КОСТЯНЫХ ФЛЕЙТ (ПРОЗА).....15
ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
БОЯ И ОСТАТКОВ (ПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ ОБЫКНОВЕННЫЕ СТИХОЙ).....19
ЭДУАРД КУЛЁМИН
СТИХИ КАССОВОГО АППАРАТА, Ч/Б ВЕРСИЯ (ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ).....35
ДРАГИНЯ РАМАДАНСКИ
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ (ЭССЕ).....43
ГЛЕБ КОЛОМИЕЦ
УЛЫБКА БУРЖУА (ЭССЕ).....48
ПЕРЕВОДЫ.....50
ДЖЕЙСОН К.
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА "МЫ / РЕПТИЛИИ / ПОЛЗАЕМ".....51
ДЭВИД ШИРО
ВИРТУАЛЬНОЕ КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ НАОБОРОТ (ЭССЕ).....57
БИЛЛИ БОБ БИМЕР
СТИХИ.....59
ДЖИМ ЛЕФТВИЧ
СТИХИ.....61
ПИТЕР ГАНИК
СТИХИ.....63
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ.....66
ОБ АВТОРАХ.....69

САЙТ ЖУРНАЛА:
HTTP://SLOVA.NAME
СООБЩЕСТВО В LIVEJOURNAL:
HTTP://COMMUNITY.LIVEJOURNAL.COM/SLOVA_JOURNAL

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
AMATI6@MAIL.RU
ARDOR@LIST.RU

Редактор: Инна Кириллова
Технический редактор: Глеб Коломиец
Координаторы: Олег Разумовский, Эдуард Кулёмин
В оформлении обложки использована работа Нико Вассилакиса
Дизайн обложки: Константин Домань
Мнение автора и редакции может не совпадать.
В текстах сохранена авторская орфография и пунктуация.
Все материалы опубликованы с согласия авторов.

Александр Моцар

Стихи

Посвящается кинематографу и классным поэтам

****

Посвящается классным поэтам

Это стихотворение, написанное
в строгом классическом стиле
Раскрывает сложную тему «Человек и природа».
Внимательный читатель физически ощущает
дуновение ветра, запах лилий.
Строчки красиво тянутся золотыми нитями меда.

В общем, стихотворение хорошее,
автор безусловно гений.
И содержание и форма передают
сложные переливы Ойкумены.
Лично мне понравилась потрясающая по силе сцена
Ночной грозы и трепет белой сирени.

Когда я прочитал это стихотворение,
то смиренно подумал –
Истина это тайна, которую шепчет ребенок
на ухо матери.
Простые слова в современной поэзии это поступок.
И не одного, блядь, выражения матерного.

1

Легко на сердце от песни веселой.
Это неоспоримо и не вызывает вопросов.
Об этом пели Любовь Орлова
И Леонид Утесов.

К примеру, если составить фокус-группу
человек в двадцать
И спеть им песню веселую,
То фокус-группа устроит певцу овации,
Кто ни будь даже сблюет от удовольствия.

А если этой же аудитории пропеть песню грустную,
Что ни будь из репертуара группы «Лесоповал».
То все просто-напросто сидя в креслах уснут.
Потом проснутся, встанут
и начнут расходиться с досады плюя на пол.

Это доказывает что старые кинокартины,
Которые снимали советские мастера,
Действуют на людей позитивно,
Не то что современная ерунда.

2

Это граничит с Освенцимом.
Губы в лохмотья искусаны.
Паранормальный месяц.
Парапсихолог Дуров.

У пастора Шлага в подвале
Кроет Христианство мастерски.
Хочется этой падле
Высказать в харю из шмайсера

Все что о нем думаю.
Вот оправданья посыпались…
Молчать, мистер Дуров!
Не вмешивайтесь, товарищ Штирлиц.

3

Ходишь, ходишь в школу и тут бац - вторая смена.
Так говорил герой фильма «Большая перемена».
Вторая смена это когда неожиданно бац…
И ты неожиданный весь стоишь, не понимая,
что произошло сейчас.
А произошло следующее: насвистывая песенку,
ничего не понимая
Ты ходил ходил в школу и тут бац - смена вторая.
Так вот бесчеловечно, заканчивалось
детство у многих из нас.
Грубо и насильно в
Советском Союзе Социалистических Республик
формировался рабочий класс.

****

Кажется
Это было лет десять тому назад.
В тот год детей называли Данями и Дашами.
А на экраны вышла вторая часть фильма «Брат».

Именно
На премьере этой картины
В одном из центральных кинотеатров Киева
В буфет зашли мужчины.
25-ти 30-ти лет.
Стрижки не короткие, что не соответствовало
тогдашней мужской моде.
Память чётко зафиксировала момент
Как они входят.

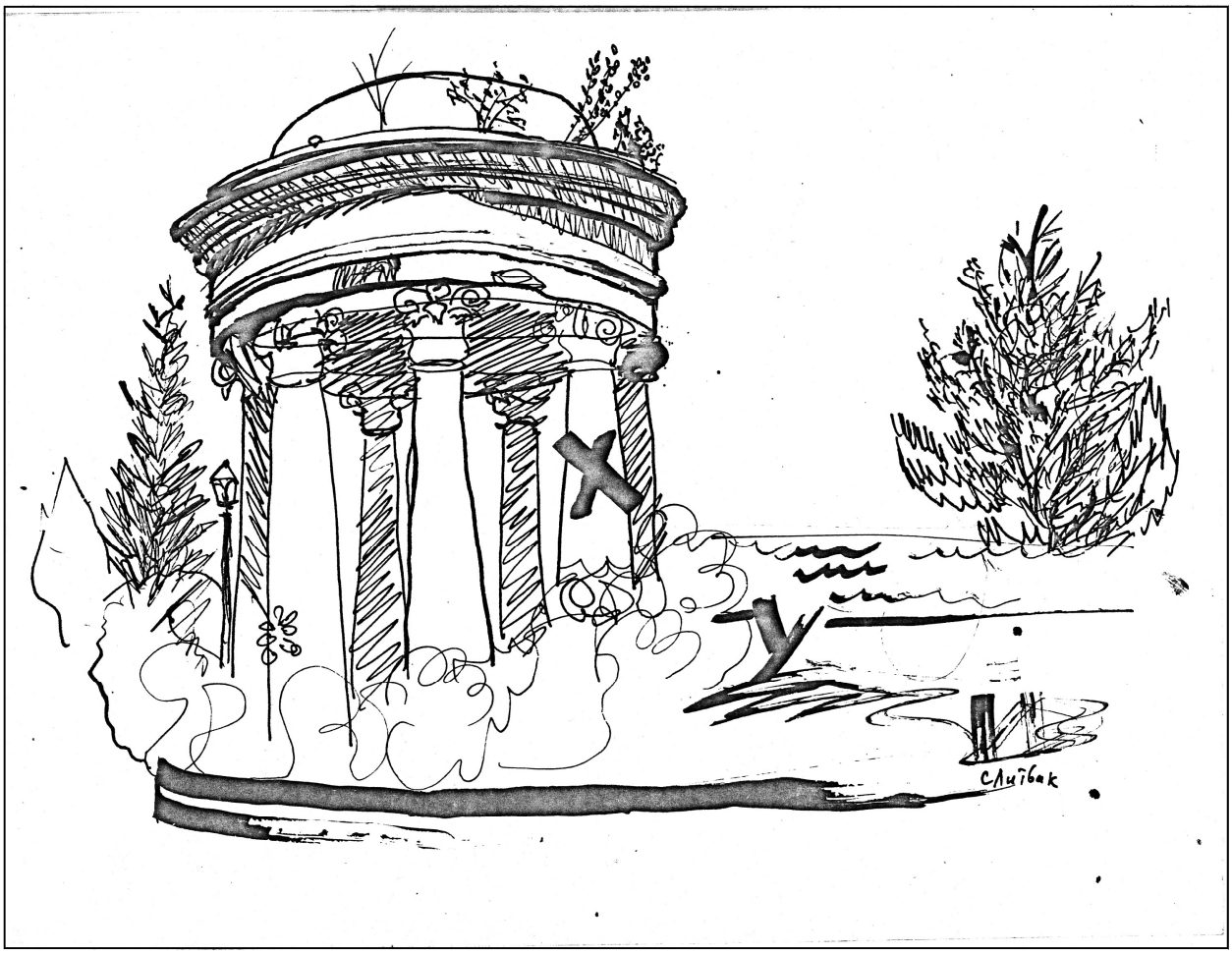
Садятся за стол.
Грузно ворочают тела в пространстве.
Видно, что один из них пришёл
С другим разобраться.

Слова частят как загнанный пульс.
Удар. Отмашка ножа (всё очень быстро).
Я становлюсь
Свидетелем убийства.

Но самое сильное
Впечатление от этой истории –
На рекламном постере фильма
Пятерня человеческой крови.

****

стихотворение о метафизике слова
в котором отсутствуют
изысканные речевые обороты
скрытые аллюзии
подтекст
и второй смысл



Света Литвак. Хуй керченский
Artwork by *Sveta Litvak*

***
Что можно сказать о нем?
Что можно сказать?
Что?

Сквозь муть дождя на лобовом стекле такси.
Масляные кровоподтёки рекламы
На холсте ночного города.

Он человек живущий вне…
Вне обстоятельств, правил, догм.
Вне целлофана.
Ты представляешь?

Он едет мимо.
Мимо него остаются стоять:

Дома дома дома
Витрины витрины витрины
Проститутки проститутки проститутки
Сутенеры сутенеры сутенеры
Наркодиллеры, психи, подонки, пидоры
Все собрались?

Молчание.
Живые так не молчат.

Ты представляешь?

Магнум
Беретта
Кольт
Вальтер
Нож

Целится в город.
Труп вздрогнул.

Ты представляешь?

Жизнь – крысиный угол
Жизнь – крысиный угол
Жизнь это
Надежный угол, надежная жена, дети (мальчик и девочка),
Стабильная работа, преуспевающие друзья
Крепкое здоровье родных и близких
Вот что значит долгая, счастливая
жизнь - крысиный угол и невозможность высказаться.

Ты представляешь?

Мимо
Все мимо
Потому что нет цели
Нет цели
Нет цели
Поэтому все
Мимо

Какой смысл в пуле, если нет цели?

Ты представляешь?

Убийца покупает хлеб, сыр, вино
И спокойно (успокоившись) возвращается домой.

Ты представляешь?

Представляет Columbia Pictures

Роберт де Ниро
В фильме Мартина Скорсезе

ТАКСИСТ

***
думая о Малевиче
и супрематизме
написал
это стихотворение

23.12.2009

***
У этого мужчины
Признаки психического отклонения от нормы
Небеспричинны.
У патологии глубокие корни.

Пишите коллега:
Куйбышев Пётр Карлович 64 года.
Считает что он директор
Металлургического завода.

На территории которого
Самораспалавился Терминатор два
Из-за чего скоро
Случится беда.

По утверждению больного
Машины, при изготовлении которых
использовался сплав стали
С добавлением Терминатора второго
Разумными стали.

Восстание машин
Произойдёт неожиданно.
Как будто зашёл в магазин
А там вместо водки марочные сухие вина.

Куйбышев излагает эти факты
Эмоционально. Часто не разборчива его речь.
Также у больного сильно расширены
портальные тракты.
Портальный фиброз и увеличена печень.

***

Не берёт Шварценеггера пуля
И нож не берёт
И топор

И бензопила с грустным воем пред ним затихает
А ведь многих людей и зомби
перечеркнула бензопила

Ручные гранаты с удивлением рвутся у ног его
Осколки летят в пустоту
Не задевая Шварценеггера тело могучее

Снаряды и бомбы
Кирпичи летящие сверху
Не берут Шварценеггера
Хоть убей не берут

Заговорённый
Так бабы о нём говорят на киевских рынках
Но слышал я
Как культуристы шептались
Тревожно оглядываясь по сторонам
На запад указывая пальцем накаченным

Там далеко
На старом сталелитейном заводе
На котором давно уже никто не работает
И лишь незримые призраки умерших рабочих
Плавят сталь
Там находится смерть Шварценеггера
Но ох как трудно
Его туда заманить

2.04.2012

***

Дроздов и Иванов перепутали черепа.
История об этом генетическом скандале
Кратко изложена мной была
В альманахе «Z» №3 2010 г. Далее.

Щурясь от солнечного весеннего света,
Лакая мороженое, словно солнце лужу,
Размышляя о контрапункте в музыке Шопена,
Светлана Л. идёт сопровождаемая чужим мужем.

Сюжет безыдейный и весьма
Посредственный (как в строгой рецензии говорится).
Лучше продолжу о том, как Дроздов и Иванов
перепутали черепа,
И что из этого может получится.

Итак, в тёмном осеннем сгустке снов,
Безысходном, как траурная процессия...
Нет, всё-таки отвлечёмся от черепов
И поговорим о чистой не галлюциногенной поэзии.

***

Дойкин и Милый – будущие герои
литературного произведения.
Расчленённого в духе метафизического реализма
Одним из учеников Юрия Мамлеева.
Произведение ещё не задумано
и будет только через 16 лет написано.

Всё это время оба литературных фигуранта,
Маются в злобе ещё не совершенных преступлений.
Немыслимым адом,
Кажется им это время.

Ночью, в декорациях мыслей ворочаясь сиротливо,
Дойкин, не видя будущего оборот
Думает: - Выпью ли я кровь
у задушенного мною же Милого
Или всё произойдёт с точностью наоборот?

- Сука – бормочет Дойкин,
мысленно обращаясь к автору –
Что взбредёт вообще тебе в голову?
Не отплясывать бы мне по твоей милости завтра
На улице пьяным и голым.

Каждая минута как перед смертной казнью
Кто-нибудь, если ты есть, дай мне сойти с ума силы…
А в это время, лёжа на грязных носках, под кроватью
Дойкина подслушивает Милый.

В этой истории нельзя поставить точку
Но и эта кутерьма непременно закончится когда-то.
Тёмной, завьюженной, патологической ночью
Через 16 лет. Хотя и это приблизительная дата.

***

стихотворение
без продолжения

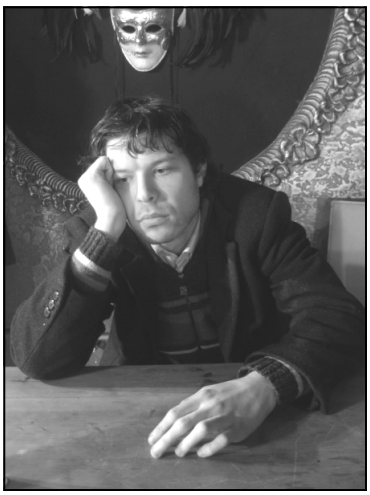
6.02.2012 Киев

***

Михаил	Студент
Ольга	Его невеста
Хрюмкин	Спившийся интеллигент
Искариотов	Чиновник без места
Кыся	Девица которая всякому даст
Марианна	Дочь мэра влюблённая в Михаила
Тарас	Педераст
Труляля	Страна где все это происходило

18.12.2010

Юлий Ильющенко



Поэма_москва

(Окончание. Начало опубликовано в 12 номере)

лирическое отступление № 147

в небе тучи собирались
в небе тучи снаряжались
в небе тучи заряжались

молний дикая игра
свет и гром свет и гром
молний адская жара
древ опаленных чело

там поля густые ржали
кони острые дрожали
дети юркие бежали
жизни не было и жаль

там дома молчали в окна
и страна молчала в оба
и газет что махаоны
туча в воздухе газет

вот газет глазниц слепые
люди толпами слепые
входят входят и выходят
едут гулко поезда

едут гулко поезда
едут гулко поезда
лица пряников вчерашних
едут в гулких поездах

а москва гудит гудками
и москва поет полками
пассажирами и ртами
открывается москва

а москва чадит дымами
исхудавшими домами
и озябшими руками
обнимается москва

а москва то течет потом
патриаршим ли болотом
чистопрудным ли болотом
переулком ли глухим

а москва раскрыла соты
и бараки и пустоты
и чудесные красоты
переулком ли глухим

так москва присела в сквере
рук её движенье – север
глаз её движенье – юг
ветр замусорил вокруг

тучи в небе собрались
тучи в небе снарядились
и на землю разразились
небывалою грозой

воздух запахом азон
и упавший вниз вазон
а грохочущие дали
или птицы улетали

и москвы река текая
куполами изошла
и ручьев вода стекает
туча по небо прошла

лирическое отступление №2

веры рёвы и верёвки
шей ошейники перешейки
веры рвы и еы еы
евы ёвы гнать в зашей их

перешейники или шейхи
шахи шахи или шушуки
веры ервы гнать в зашей их
ишь, уверовали в шушуки

так уверовали и овы
то уверовали в оковы
знать, уверовали в оковы
и оковы иста истовы

вера верою у престола
стул у стола
вера ивою опустела
тел у тела

так уверовали ревели
рвы рожали
так уверовали купели
кровью пели

так уверовали молили
улы илы
так уверовали молчали
кровь печали

вера круто крутило тело
и веревка
и удавка
вера круто крутило тело
шею ела
шею ула
вера круто крутило тело
шахи
шохи
вера, ох как крутило тело
руки
ноги

только там за углом шушуки
только там за столом шушаки
только там возле гроба шахи

взмахи моха
звуки маха
звоны меха
взвыла плаха

москва	река	москва-река	
три горько	плачут	мужика	
и плач их	горстями	песка	
москва	река	москва-река	

отца	несут	в гробу	несут
отца	на суд	в гробу	несут
отца	весну	в гробу	весну
несут	несут	несут	несут

несут	из	самого	кремля
вот	к красной	площади	несут
вот	на	манежную	несут
вот	по	тверской его	несут
все	по	тверской его	несут
и	по	тверской его	несут
к	кольцу	садовому	несут
а	там	у самого	кольца
несут	в гробу	в гробу	отца
чрез	триумф-	альную	пройдя
несут	отца	в отель	пекин
в отель	пекин	несут	отца

и там	свершают	панихиду
над гробом	верно	панихиду
так долго	что ли	панихиду
наверно	все же	панихиду

и	далее	отца	несут
все	по кольцу	его	несут
по	малой	бронной	вот несут
вот	в патриарший	пруд	несут
а рядом	есть	там	институт
сбербанк	россии	рядом	тут
и	пахнет	запахами	пруд
и	лебеди	на том	пруду
и	гроб	спускают	на воду
и	поджигают	гроб	отца
огонь	горит	его	лица
огонь	горит	его	тела

и пруд	горит	белым	бела
метель	все	тропы	замела
лишь	только	лебедя	крыла
лишь	только	лебедя	глава
лишь	только	слухи	и молва

…	…	…	
…	…	…	
и день	прошел	и ночь	была

а …	плакал	без	отца
и слёз	текли	его	лица
и щёк	его	румян	пыльца
и губ	его	горячих	мех
и губ	его	гудящих	мох

в	москве	не стало	скоморох
и только	бох	и только	бох
и	крест	и	воз
поныне	там		

поныне	там

там	там	та-дам	
там	та-дам	та-дам	та-дам

и шум	и гам
и шум	и гам
и шум	и гам

последнее лирическое отступление

лета адская жара
лета жаркая жара
лета лета
и жара
лета лета
и вода

очень жарко в городах
слишком жарко в городах
невозможно в городах

вот завяли лица дам
и мужей завяли лица
птиц завяли провода
вот завяли звери птицы

и завядшая вода
и завядшая душа
и заблудшая вода
и завядшая душа

лета адская жара
лета жаркая жара
лета лета
и жара
лета леда
и пора

и стою я у пруда
и смотрю сюда туда
и уставшая вода
гроб качает
туда
сюда
туда
сюда

конец поэмы

20-30 июля, 2010 г., Москва-Могилёв

Олег Михальский

Нет фото

Стихи

33 и 32

32, 32, 33

33, 33, 32

33, 32, 33

32, 33, 32

33, 33, 32

32, 33, 33

Насилие

АААААААА
АААААААА
ААААОАААА
АААААААА
АААААААА

ОООООООО
ОООООООО
ОООООООО
ОООООООО
ОООООООО

На кладбище

+ + + + + + +
+ + + + + + +
+ + + + + + +
+ + + + + + +
+ + + + + + +

30 причин падения СССР

1-ая
пюпитр
2-ая
полеустановители
3-ая
бумагоограничитель

4-ая и 19-ая
клавиши свободного хода
5-ая и 20-ая
ручки валика
6-ая
диск установки интервалов
7-ая
рычаг освобождения валика
8-ая
бумагоприжимная
линейка

9-ая
бумагонаправляющий
щиток
10-ая
клавиша гашения
единичных задержек
табулятора
11-ая
клавиша пропуска каретки
12-ая
индикатор цвета ленты

13-ая
клавиша замка верхнего
регистра
14-ая
клавиша переключения
регистра

15-ая
клавиша пробельная
корректирующая
16-ая
шкала полеустановителя
17-ая
рычаг
быстрого ввода бумаги
18-ая
рычаг
гашения табулятора

21-ая
диск
со шкалой
автоматического
выбора строки
22-ая
рычаг
освобождения бумаги
23-я
строкоуказатель
24-ая
клавиша табулятора
25-ая
клавиша
установки задержек
табулятора
26-ая
клавиша обратного хода
каретки

27-ая
диск-регулятор силы удара
28-ая
клавиша
возврата хода каретки и
перевода строк
29-ая
пробельная клавиша
30-ая
выключатель

В
С
Ё

Слава, КПСС!
ПППППППППППП
ПППСЛАВАПППП
ПППКПССППППП
ПППППППППППП

Снег
ХРУП
ХРУП

ХРУП
ХРУП

ХРУП
ХРУП

До дести
Я считаю до дести

Раз
Америки нет
2
Европы нет
3
Азии нет
4
Африки нет
5
Австралии нет
6
звёзд нет
7
планет нет
8
ангелов нет
9
Бога нет

10

В метро
прислоняться не прислоняться не прислоняться
неприслоняться нерприслоняться неприслоняться

прислоняться не прислоняться не при не при
слоняться ислоняться ислоня слоняться

не при не при не при слон слон слон
прис прис прис при при при пр пр пр пр

Поезд
тыды-тыды
тыды-дыды

дыды-дыды
дыды-тыды

"Нюхай и смотри"
в голове
кусок говна
в животе
кусок говна
я большой
кусок говна

нюхай и смотри

"Ёжики-кошмарики"
Ёжики-кошмарики,
бегают во мне:
старенький и бедненький,
я лежу в говне;

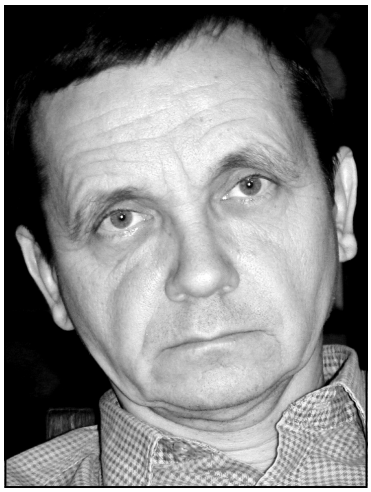
никому не нужен, -
рук не подают -
брошен я, как овощ
или фрукт;

боль сдавила горло,-
трубка в голове -
ёжики-кошмарики,
бегают по мне;

не могу подняться,
не могу вздохнуть,-
чешется всё тело,
ноет грудь...

- Подыхаю, черти! -
так, фигово мне:
ёжики-кошмарики,
прыгают - везде!

Андрей Бычков



«Ничья Вина»

В качестве иллюстраций
использованы работы *Светы Литвак*
Artworks by Sveta Litvak

1.

Сначала у стоматолога на ресепшн. Она красила губы и смотрела, натягивая, в зеркальце. Отказываясь от мысли о крови кролика, он ждал после сверления, в фойе. Как произошло? Как обычно. Хоп… бедняжка уже в джипе, покоится на заднем в обмороке среди роз. Джип – машина, шуршит шина, и шоссе плавится от езды. Позади, на плечах закат, и мотор наяривает.

Подъехали поздно, и рот ей на всякий случай пластырем заклеил. Очнулась - глаза, как жучки, черненькие, догадались, бедняжки, из-под пластыря, а кричать нечем. Для ноздрей дырочки прорезаны.

«Потом освобожу, - сказал, - и лицо».

Со спиртом, подмазывая, не отдирать, а отклеивая, не больно. И в курятник связанную запихнул. Завтра помыть.

Не студа стоял, вторая, как-то еще дня через три в метро, покачивался в вагоне. «Не студа», да «не студа», что за «не студа», да за такая, думал? Постукивали колеса, покачивало. Совсем забыл. Все «не студа» болталась да болталась в голове. А когда два раза забыл, тогда-то и вторая. Быстро-быстро делала она руками в сумочке, потом воротничок, всё по-хозяйски, и юбку, и блузку. Наконец, перебрав, взяла сумочку под мышку и застыла с рукой на ремешке, правильно, как солдат. Конечно, продавщица, подумал, но пусть будет, авось, «не студа», приблизился случайно как бы и кольнул ей через колено зашитого с иглой в штанине. А после и вынес на плече, как свою подданную. Из Юго-западного царства, или из Вернадского. Джип был в кустах припрятан.

Верный джип, сынишка фарный, глазастый, только без времени не выключай.

«Короче, две уже есть».

С третьей что-то долго не случалось. Болтался в городе и по электричкам пригородным заезжал, обмануть сам себя. Женщин-то полно, коли да подбирай. И места удобные. Ан, нет. Нечаянности не хватает. Замучился и «не студа», - думал, что не выйдет, что только и будет две. Ну, тогда-то и попалась. Красивая, голубая, как коза, с глазами - большие, как два флакона. Стояла на переходе автодорожном, зеленого ждала. Пошел вслед за ней, как загорелся сигнал. И шел из переулка в переулок и смаковал на ножки.

«И на рожки».

Смеркалось, и белые вокруг, бледные, как парусы, дома силились вверх из-за зелени. И безлюдно было среди акаций и сиреней. А она все шла и шла, и почему-то в подъезды не заходила. Хотел, было, уже приблизиться и уколоть, и потом, как обычно. А почему-то не стал. Игры, что ли, опасности захотелось. Так и решил заговорить. А где? В лифте поздно. И отказался. Благоразумие пересилило. Кольнул в особой темноте. Она на лавочку и осела.

«Три».

И пластыри снял им, и мыло дал, и мочалку; кормил. Три нормально – себя уверял. Зачем больше? А азарт зудит, что надо четыре. Насел азарт, как медведь на плечи, с жадностью, что надо четыре. И боролся с пороком, внушал, что хватит. А жадность тянет, что сила, на свое, – четыре, типа, и баста. И сам же предупреждал себя – накажут. Предчувствие было. И бдительных совести поднимал. А порок-то, ведь, - где поймают, там и слаще. Так и рискнул. Хотя уже и объявления зашелестели, кто-то где-то видал, и джип тоже. Про сонных написали, про полупьяную на «Динамо» (а было-то на «Вернадского»). Что кто-то будто бы тащил и потом в машину. Коленки там, разное...

Рискнул, однако. Страсть нестерпима. Как назло. А не надо клясться, что последний, что больше не будешь, что хватит трех, и поздно, будет четыре, сам себя уговаривал. И диктовал, как кому-то ноль, что надо четыре, что настоящая - всегда четыре, что основная – четыре. И решил волей, решил окончательно, на осторожность свою и опытность, и на случай полагаясь. Как с молнией Египта. Так и зашил. На этот раз две. На колене, над чашечкой.

2.

Не была Валера Валера, а была Валера Валерия. Ты, что, издеваешься? Да - гордая, как рояль. Так говорили во дворе, когда она шла мимо качелей, на своих длинных, как стригла. И в фетровой шляпе.

Валерия жила одна, с кошечкой. На кухне не было гардин, в комнате скромненько, даже посуда подчас пластмассовая. А не надо ничего кроме форточки открытой на звезды, шить что-нибудь свое, обалденное, чего нет ни у кого, чего никто не носит, с шиком, и как бы так, спустя рукава, с высшей небрежностью по краям тонкого, с незаметностью затеи. «Только я так и имею право». И выкраивать будто бы неправильно – остро и близко. И проймы авангардно. Хочешь крикнуть, а не можешь, дух захватывает, во, как сшила. И сидит - обалдеть. Воздухом взяла, петлей и неправильностью линии. Да потому что до высших. И сама же хороша, и шляпа фетровая хороша. Только на ветер, как когда идти по аллее, пригнувшись. Во дворе судачили:

«На длинных своих стриглах».

«Ну, Валера, опять куда-то тусить пошла, на клуб ночной».

«Как Верушка фон Лендорфф, все что-то выдумывает».

«Не, она к фотографу своему одному, сама его там нагибает, как фотографировать».

И конечно, на высших неправильно, что четвертой оказалась она. Этому с иглами в штанинах, что он бродил где-то под дождями, обвисший, с мокрыми, с водой на лице, боящийся и с жаждами за грудиной. И джип его в акациях с потушенными ждал, среди листьев блестел от уличных, как все машины. Горный, а писали, что чорный (и будто бы на «Динамо», а было-то на «Вернадского»).

И вот она, Валера, вечером стройная, с зонтом, как-то дня через три шла, что уже истомился господин наш и отчаялся под дождями, что только не кашлял. Уже и думал, что четыре не надо, что три достаточно – с губами; продавщица и «коза». Ну и хватит, что три. Три – тоже число. А на чреслах или не на чреслах, какая, на хрен, разница, что колодец не журавль, а просто, как обморок, барабан, или, скорее, ворот, за который веревку, соотношение плеч, палиспаст, типа. Главное, чтобы не сорвалось, не утопилось… С такими размышлениями и решился уже отходить из-под дождей, льющихся к рубашке прилипшей. Уже думал, как в теплом джипе нутряном, конском будет мчаться и сушить горячим воздухом, и на кожаном сидении домой спешить. Ну и хорошо, зато не поймали, и полицейские везде расставленные оказались мимо, и газеты с журналистами мимо, и блоггеры со своими блогами. И как бы нет - и им ничего, никакой добычи, и ему без одной. Типа, пат.

А Валера романтическая такая, с мыслями об Антониони, с выкройками а ля Карден, далекая от жизни и близкая к искусству. Ногами радио рок эф эм со стильным голосом Штольца (*Ведущий радио «Рок FM» - прим. авт.*), с путешествием в Лэд Цеппелин, с Пейджем под ручку в гости в загородный особняк, где окна темные, и где Роберт не Плант.

Бр-рр-р, вся продрогла Валера с проектом в голове, как ей сфотографироваться под Верушку, а тут-то и – господин наш.

«И как будто в штанине зашито у него что-то…»

А господин – бледный, с белым лошадиным лицом и с каплями стекающими.

«Бог», - подумала Валера, обмирая.

И чтобы Бога спасти, накрыть зонтом, чтобы не мок Бог, от дождя Бога спрятать, чтобы не простудился Бог, жалко, ах, какая добрая…

А Бог уже колол, через штанину колол двумя, чтобы наповал, длинную, лошадиную. И потащил потом обмякшую и мокрую к акациям – блаженна была пузырящаяся на губах ее улыбка.

Прояснилось. На каплях стояла акация и блестела, как видела многими, что зрачками в зрение все глубже погружаться листьев густых и цветов желтых к чёрному, с синим отливом неба на капоте.

Так и посадил ее, что домой к Мурлычке не пришла, - на заднее. И уже завел. И уже мчался мимо полицейских, расставленных по углам и мимо светофоров, жадно тормозящих красным.

3.

С утра начал с той, с первой, которая, - когда в соседнем сверлили, ну, тем, трем-четырем в креслах, а другим клали мышьяк, - которая на ресепшн. Вошел теперь к ней в халате прочном. Веревку сдернул и тело поглядел – на следы, на рубцы красные, от веревки отпечатки. Девчонка-то от страха вся в липком поту, как от жары. И видно, что холодно ей, зябко, что судьба выпала такая, что насилие над ней скоро совершится.

«Расслабься», - приказал.

А она не смогла. Какая-то дрожь деревянная все трясла ее и трясла.

«Расслабься!» - прикрикнул.

А она не может. Да еще и ноги у ней были не бриты. Не закрывала, а приказывал, закрой, говорил, глаза. Два ее черненьких испуганных, а не дают же сосредоточиться ему, как жучки, что все неприятнее и вот и злился – и от пота липкого, и от запаха. Выделение противное жучков… И отлетел в мысль, и ослаб в чувстве. И нет желания - нет. Как будто стыдно стало и как будто виноват он в чем-то, да и халат прочный чересчур как будто бы. И мысли, что будто бы будут его рано или поздно судить. А девчонка-то, гадина, похоже, и обмочилась еще. Ишь, расширились, как вишенки у акаций, зрачки-то. Джип, да, джип чуть не выскочил, так почему-то подумал, а мог бы, конечно, и не выскакивать. И стало ему как-то совсем гадко, как в ведро, типа, подтащить к колодцу, к вороту… И тогда и, чтоб не так долго, вроде и никак, а что-то, как дало, как алкоголем по мозгам, чтобы взять разом все и кончить. Ну и выхватил черный такой, тяжелый, настоящий. Только бы мысль отвлекающую опередить. Выхватил и нажал несколько раз в оглушительных, с отдачей до плеча, что дергалось, как обычно при выстрелах…

Губы только раззявила. Да, большие были на ресепшн, когда в зеркальце пялилась, натягивая, и помадой, что подумал, что будет эротично. А оказалась с небритыми и пахла плохо, не для удовольствия. И еще подглядывала, как глупая. Вот сама и виновата, идиотка, вот наказанная и валяйся теперь на прошлогодних, как падаль овечья.

«А ночью вывезти или завтра?.. Выбросить куда-нибудь, и из головы заодно».

Как будто – как будто. Да, как первый в кулек комом, да, блин в гуляш, и не крикнула даже, с первого попал - в глаз. Что ни в чем он, конечно, не виноват, невыносимый. И так и закусил. И жевал долго, задумчиво. И была ночь в окно, и звезда. На звезду и жевал, что один он такой во всем мире. И что никто не виноват, что рождается, и что никто не виноват, что умирает.

«Да, брат-звезда мужской, яркий ты и весенний, такие дела. А как из желтого-то акации стручок длинный? А говорите, акация – она…»

И запил душистым. Завтра вторую или второй. Буйство зелени. Можно, конечно, и сейчас, но лучше пусть выспится. Слово-то какое – «выспится» – чудеса. Так и покатилось, как колесо. И катится, и катится, покачиваясь, пока на бок не закрутилось, все быстрее и быстрее, все ниже и ниже, с мелкой дрожью, и застыло, и замерло. Долгое слово…

В комнате у второй было треугольное окно. И когда луч солнца ласково заглянул, то она на бархатное малиновое через веки, что как будто накрывало теплыми снаружи, открыла и… не сон, а как вчера – голая, связанная, с прижатыми грудями. И пронеслось, весь вчерашний день, как тупо стояла на ларьке, как обвешивала, а потом метро – как солдат с автоматом, правильно, на ремешке, как покачивалась и стояла. И вдруг так нелепо вот, под шпагатом… Мальчик ее, из Узбекистана. Как он сейчас там? Без нее… А кончала по телекоммуникациям и о чистой, фейсбучной мечтала. И вдруг – раз – и изгнаны из Узбекистана, и удерживались, как татары, на птичьем, и из последних, чтобы не слететь, чтобы платить за дом-развалюху в деревне, купленный в рассрочку. А и тут, похоже, что деревня. И петух прокричал: «Ба-ба-ля-ля-я-яя!» Как Олежка шутил сын, что не «ку-ка-ре-ку-у-уу».

Она попробовала шпагат, крепко закрученный. Жало, и было неудобно. Но ничего изменить нельзя, только хорошо, что сосок не болел. Вчера еще высвободила. Вчера в туннелях от Юго-Западной… А позавчера еще у себя – куры, гордые изумрудные петухи, гуси, пушистые кролики, баня… Вон Олежка тянет бидон от колодца. И постиранное белье, как

сновидение, на веревке – юбки с блузками, выстиранная вывернутая наизнанку сумка. Гуси белые от пруда в ряд. Впереди с гусаком. Как ему просовываешь в горло сала куски и пропускаешь по шее, сжав ладонью, как в шланг, да не дрыгайся ты, не крякай, не утка же, не давись ты, бургомистр...

«Почему-то обзывали моего Олежку жирным. А в пятом «а» еще, в Узбекистане».

Она поджала ноги, чтобы перераспределилось со щиколоток. А еще свои березы молодые. С которых приятно драть веников и брынза своя. И много-много бабочек белых, что мельтешат, когда солнечный ушел, передвинулся с лица на лавку и в утреннюю дрему тянет, что, может, еще и привиделось это все…

4.

Под вечер поднималось много белянок, и гусеницы, из которых еще не вылупилось, и мраморные коконы, что обращение причины и следствия, как Лао-Цзы, путешествие к Роберту Планту, называли же его, и вот он и стоит с длинными белыми волосами в руке. И Джимми опять же – индеец с фермы лошадей, знаменитый, что оттачивает и отдергивает, - Пейдж, с грифа пассаж вдоль скользящих, перебирая пальцами и кистью прикрывая. Запястье вниз. И еще эта синяя блуза. Не торопите меня, нажмите вот здесь… Так распускался и господин наш каким-то новым цветком, под «Nobody's fault but mine».

Была гроза, но утихло, гроза порвала антенну и перестало принимать, шуршало помехами и чертило однообразно размытыми горизонтальными, гроза уходила за лес.

«И эта вспоротая новизной после дождя деревня».

Голубизной неба, которого нигде нет, господин распахнул окно. О, это широкое, синее небо…

А когда вошел ко второй, - а она лежала связанная на боку, - в голову бросилось вчерашнее. И попытался прогнать. И не прогонялось. И так и стояло, как в горле, как косточками от вишенок, так и подглядывало, как в зеркальце на ресепшн, пока другим сверлили и закладывали в дырочку, запихивали и утрамбовывали сладкий мышьяк, и уже и удаляли, не дождавшись, а сразу до вскрика, поддевая пинцетом, пока еще не умер от мышьяка сладкого нерв… От того-то, видать, такая тонкая гроза и передернула лицо его.

«Пощадите… У меня сын… Я одна…»

В халате новом наклонился тогда он над ней и долго смотрел в глаза ей. А она плакала. Потом большим острым ножом распустил на ней сжимавший груди шпагат. И вспомнил о быстрой крови кролика (пол был в опилках)… И вдруг ему стало жалко ее, эту Тамару, как она сказала, что ее зовут, смертельно жалко. А Тамара уже закрыла глаза и ждала, что с ней станется. И только слезы дрожали из-под век ее крупными каплями, и, от краски окрашиваясь, стекали черным по лицу.

И он ее отпустил. Господин отпустил...

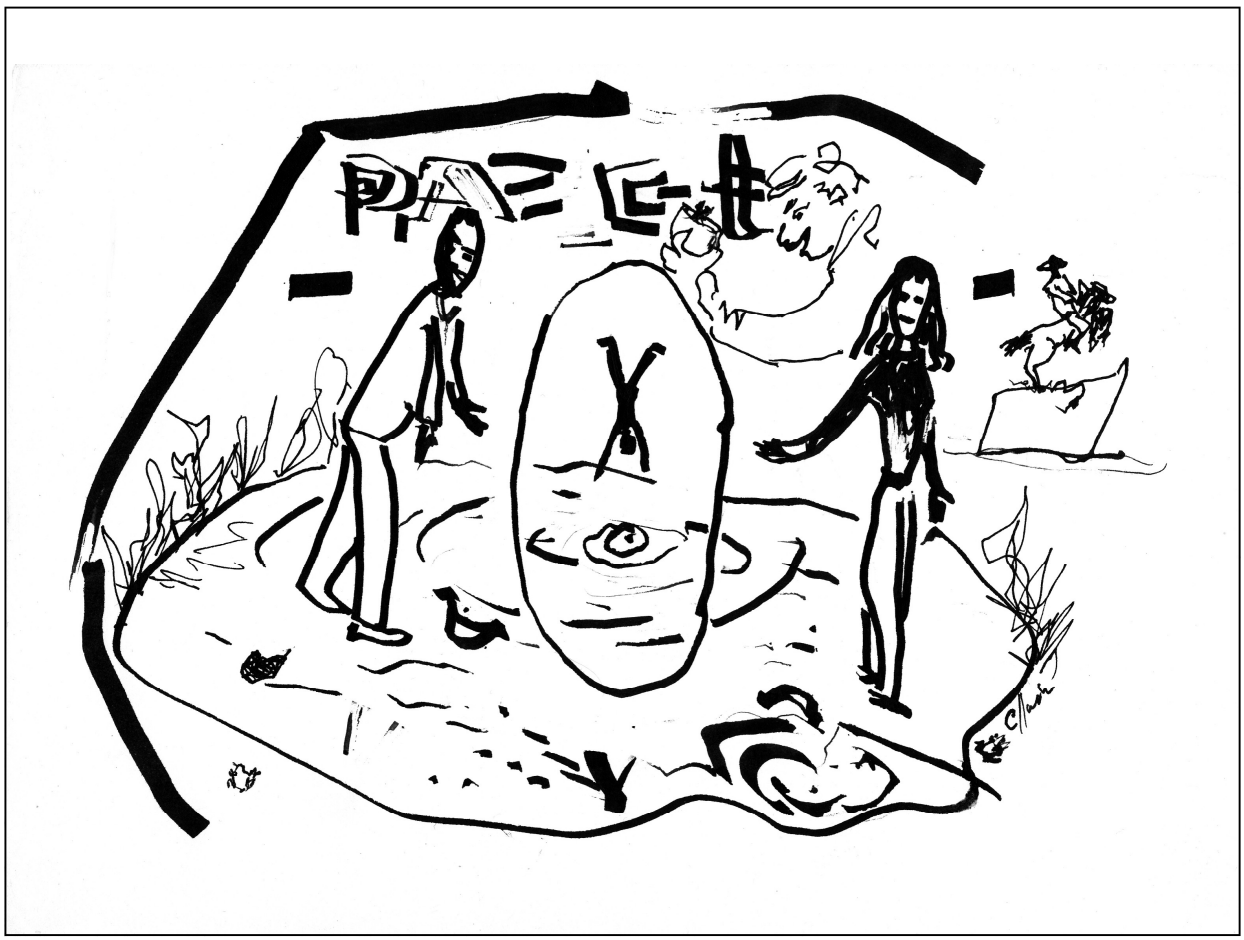
И Тамара побежала по тропинке в сторону леса, как он сказал, а не деревни, и - «чтобы никому ни слова», - билось в висках. Голыми ступнями на камни, на корни, по тропинке в лес, никому не говори, шесть километров и будет автобус.

А сам, не поворачиваясь, стоял у окна, широкий, как небо, и грустный слегка, что она не сможет не предать. Как тот, кто когда-то придумал драматургию, что был не в силах вынести этой сияющей неподвижности…

«Уехать».

«Так и не насладился».

«Пока не поздно».



«Ин-Ян»

«Еще две».
«Надо бежать».
«Но тогда снова как все».
«И значит – преступление».
«И, значит, появляется закон как машина следствия и его причины».
«А где же Лао-цзы?»
«Кто и кого отпустил?»
«Я же не хотел убивать».
И рассмеялся громко, как гром в чистом. И надел яловой кожи сапоги. Надо было бежать, надо было взять деньги из коробки, перевести на понедельник календарь и снова стать никем, как та маленькая птица, что пролетает над садами, лишь бы ее не заметили, лишь бы не быть как все… И - ясное и тихое, как молния после грома:
«И пусть, пусть поймают. Так даже слаще. Но это уже *потом*, и я буду как один из тех, предназначенных для».
Он сложил все в чемодан. И старые умывальные принадлежности тоже. Вышел и положил чемодан в джип. Долго стоял, глядя на окна, за которыми оставались связанные, перетянутые шпагатом, две женщины.
Риск лошадиного, с мокрыми волосами, с иглами на коленах, как зашивал, как сигналил, как подкручивал трубку снотворного… И те полицейские, которые могли задержать на подходе, даже пока не было возможности, а теперь, когда все позади, или почти позади, не взять своего и даже и не попробовать?!
«Глупый сухарь!»
«Nobody's fault but mine».
Он отвернулся, как кто-то другой.
И быстро сел в джип. Повернув ключ зажигания, резко нажал на акселератор. Джип вырвался за ворота, оставляя лишь клубы пыли.

5.

Валерия проснулась от тихого шороха, что мышь, а Мурлычка не слышит, как в комнату входит молодая мышь и подходит к лицу ее на задних, а она, Валерия, – голая и связанная – и ничего не может от мыши. А та уже около самого лица, громадная, неимоверно возрастая в перспективе:
«Ну, что, Валера, направила *стриглы* к фотографу?»
И тут она действительно проснулась, и Мурлычка сидела у ее лица, глядя своими зелеными стеклянными глазами, и тихо урчала, как какая-то загадочная машинка, и не сводила с нее неподвижного взгляда, что в комнате нет гардин и что давно пора заменить пластмассовую посуду на фарфоровую, на тонкого нефрита, как то единственное, из чего еще стоит пить, из чего пьет сама графиня, длинная и обнаженная с перьями черного страуса за спиной и с тонкой сигаретой, как сама фон Лендорфф, да, фон Лендорфф… И тут уже Валерии было суждено проснуться окончательно, обнаруживая себя связанной на лавке, мучительно тонким шпагатом, как какая-то посылка, вспоминая дождь и убогое ремесло реальности против совершенства вымысла и сна, что надо почему-то так грубо и подло под дождями с идиотской, лошадиной и что, правильно, как Бог, даже если и без причины, которую всегда отыскивают потом, как за шкафом, где прячет косточки Мурлычка…
Жало между лопатками, жал узел, навязанный, чтобы не дотянуться. Валерии показалось, что кто-то по-козьи заплакал за стеной, кто-то как с маленькой бородкой, как с детскими глазами, как подсказало воображение. И тут она увидела на стене шуруп, его острую кромку шляпки. Извиваясь, на лавке, она подползла, и, опираясь обеими *стриглами*, как связанными ласточками, постаралась привстать и дотянуться до острой сияющей кромки…
«Тереть рядом с узлом, чтобы не зацепился, под основание, тереть об острый край».
Уже смеркалось. А она все терла, измученная, привставшая, как на дыбе. Ломило в спине и затекали локти, и напряжение привязанных к лодыжкам *стригл* достигало почти… и срывалось на судорогу. И надо было спешить, как в позе какой-то немыслимой козы, чей стон все казалось будто бы казнился из-за стены. Привстав на коленях и приподняв основания, пока эти стоны из-за стены должны, по-видимому, кого-то услаждать, кого-то другого, чей подлый реализм, с лошадиным лицом, должны отвлекать его, пока она, графиня, успела бы снять свое измученное тело со шпагата, с этого нейлонового прочного шнурка, с этим огромным насмешливо нагроможденным и, словно бы тихо и уже злорадно хохочущим, узлом.
«Чтод тун баг тыг ктот?»
«Сан бар мугэдэ шел».
«Иза кундо? Кундо-мундо?»
«Зак тор пыт клар».
«Миобо гузо».
«Тар кчен быши».
Быстрее, Валера, лижи твердое молочко, быстрое наждачное, тихо-тихо, не пролей за край нефритового, пока не вошел, большой-большой, круглый-круглый, с красным набалдашником, как вор, как живых в подъездах, как истязатель под дождями, что не коза ты с грустными голубыми, а вымени, что вы меня не поняли, что зачем-то поехала с психоанализа на метро, что зачем-то по темным перед домами гуляла переулкам, а муж предупреждал, а как же Гвинея Бессау? И вот – пропали билеты, а потом и убьет. Гад, отказался от миллиона, отказался от двух, не взять три миллиона? а муж бы взял, лишь бы, отпустите, прошу вас, во веки веков, и я буду молчать, верная, измученная до голубых, изнасилованная вами до нефрита, и я буду молчать, только не надо боль, прошу вас, пожалуйста, не надо боль, я не могу терпеть боль, сжальтесь, вот здесь только…
Квадратный, как миллиард, господин уже стоял в косяке и смотрел, как она, Валерия, трет, как она пытается перетереть нейлоновый шнур, привязанный за лодыжки к *стриглам*. Внимательный к бессознательному и только что возвратившийся из-за стены. Это новое голое тело, пытающееся так нелепо освободиться. Что козий плач кончился, и что стало как-то пронзительно тихо. И что он появился в дверном косяке как Бог.
«Это, конечно, неправильно, что вы здесь», - мягко, с какими-то влажными интонациями, сказал он.
Она молчала, зацепившись нейлоновым шнуром за шуруп и не в силах отцепиться.
«Я знаю… я не должен был возвращаться».
«Развяжите».
«А вы красивы».
«Развяжи меня!»
«И нрав».
Он подошел близко и заглянул в глаза ей с каким-то новым для него самого любопытством. Правда была в том, что сейчас он будет наслаждаться ее страданиями, ее криками и ее рыданиями, ее беспомощностью и ее отчаянием. Он будет получать наслаждение, а она…
«Я немного устал, - мягко сказал он. – Вы же слышали… из-за стены».
Он снова посмотрел на ее сжатое шпагатом тело, как она нелепо зацепилась и висит.
«Бедная, вам же так неудобно».
Он протянул руку и отцепил. Она почти упала на лавку и инстинктивно попыталась отползти. Он сел рядом.
«Это будет очень трудно… И для вас и для меня».
Она молчала, он достал сигарету.
«Так как же вас зовут?»
Вынул зажигалку и закурил.
«Верушка».
«Вера?»

«Верушка», - повторила она, глядя на него каким-то неподвижным взглядом.

Он усмехнулся.

«Ну, хорошо, пусть Верушка».

Затянулся и замолчал.

«Так даже лучше», - выговорил наконец.

«Верушка фон Лендорфф», - тихо произнесла Валерия.

«Вот как? – он оглянулся на нее с любопытством. – Так значит, ты и есть та немецкая графиня?»

Кровь ударила ей в голову.

«Да».

И тогда медленно, не сводя с нее тяжелого взгляда, он сказал:

«Ты хочешь сказать, что ты и есть та самая знаменитая художница?»

И какой-то странный словно бы набирающий высоту полет заставил ее повторить:

«Да».

Он помолчал.

«Неплохо…»

Впитываясь в него всем своим взглядом, как будто проникая, как будто подглядывая через кусты акаций, да, акаций, так ей почему-то показалось, сквозь желтые лепестки и зеленые листья, как он сидит теперь, как неподвижно застыл с сигаретой.

«Знаешь… сегодня утром было такое небо, - начал вдруг он каким-то другим голосом, - такое синее… и такое чистое, что я…»

Она затаила дыхание и не двигалась.

«Что я подумал, что я – это не я…»

Она не шевелилась и все ее тело, - как будто тела и не было, - вся она обратилась в зрение и в слух.

«И что причина не опережает следствие. А совсем напротив… Порождает ее… Или одну из них… Что уже и не так важно».

Он как-то неподвижно усмехнулся, глядя в проем двери.

«Я отпустил одну женщину, потому что вчера вечером я… был другим. И утром небо стало такое чистое… Да, я ее отпустил».

Легкое слово, как она сама, Валерия, – он отпустил – как на птицу, довериться между крыльев, и теперь не теряя, как Лендорфф.

«Да, отпустил ее».

Он замолчал, глядя, как серый столбик пепла, узкий и нарастающий, приближается и приближается к его пальцам.

«И это было так легко…» - он улыбнулся.

И уже самое тонкое, для чего уже нет слов, что так легко обозначить, и что станет как ложь. И чтобы не называть, чтобы оставить без знака…

«Я знаю, я не должен был возвращаться».

6.

Штольц вышел из студии. Был тихий вечер и была звезда над горизонтальными. Внизу шевелилась и сияла в черных огнях Москва. И это было так странно, что рядом пронизывает пустой свет витрин. Штольц любил Лэд Цеппелин, Штольц уже давно вышел из студии, но музыка все еще звучала в его голове. Перед тем, как сесть в машину – красный спортивный мерседес – он решил проверить сообщения и зашел на фейсбук. Сообщений не было. Штольц открыл блоги и прочел среди прочего (выборы мэра, универсиада…), чем закончилась и эта история.

Первую из похищенных, первой же и нашли. Ее застрелили в сарае, в лицо. Вторую убили ножом в спину, когда она, по-видимому, пыталась бежать; ее нашли на опушке леса. Третья… третье… изуродованное, обнаружили опять же в сарае, в другом из отсеков. А четвертая из похищенных застрелила маньяка сама при невыясненных обстоятельствах.

«Ветры»

Александр Мурашов

Шестнадцать костяных флейт

В качестве иллюстраций использованы работы *Всеволода Власкина* из цикла «"I". i.0.jpg»
Artworks by *Vsevolod Vlaskine*

В замкнутом лабиринте слов затерявшиеся, обезумевшие от заточения, смешивающиеся голоса – чьи? Паранойя – великий строитель лабиринтов, в которых нет ни одного безопасного уголка, и тем не менее, все сооружение затеяно ради безопасности, рассыпаясь маргаритками снов, один из которых воспроизводит двухъярусный параллелограмм четырехместного купе. Отсюда они собираются на преступну охоту, и я один из них, о, как желанно быть одним из них, в этом братстве, где приуготовляемым обоюдоострым ножом поблескивает запах вагонного сортира.

Я когда-то услышал или прочитал о сибирском племени, долго сопротивлявшемся русской колонизации. Их священны владыки передавали один другому, как регалии, шестнадцать флейт из человеческой кости, отверстия в их стволах располагались таким образом, что служили для счета. На каждой флейте были вырезаны выпуклые значки, вместе с отверстиями образовывавшие рельефный узор, эти пиктограммы ощупывались при игре на каждой флейте, а мелодий было немного. Значки и мелодия напоминали играющему шаману глубокомысленный сюжет, который мы бы назвали мифологическим, мистическим, относящимся к жизни духов. Но те сибиряки, они на своем языке называли это не преданием и не пророчеством, а просто чем-то, происходящим не сейчас, их язык разделял не прошедшее-настоящее-будущее времена, а то, что происходит здесь и сейчас, и то, что не сейчас и не здесь. Последний вождь провел немало времени в холодном, влажном застенке, он играл на шестнадцати флейтах, постепенно возвращая свое дыхание духам, и наконец умер. Шестнадцать костяных флейт попали в какую-то личную коллекцию диковин, а потом их приобрел какой-то этнографических музей. Я не знаю, где они теперь. И мелодии наверняка забыты.

Я рассказал когда-то об этом Сережке, а он говорит, мы сидели за столиком в полутемной нише галереи, нависающей над ресторанным залом, и он говорит, как будто очнувшись от полусна: «Мне показалось, что ты говоришь это кому-то другому, а не мне». А потом я услышал от него, что он взломал однажды электронную почту своего бывшего парня, а там письмо, в котором тот кому-то жаловался, что Сережка – инвалид по слуху, носит слуховой аппарат и когда хочет, его выключает. Удивительно метко обрисовано, если понимать не как вранье, а как иносказание.

Можно представить, что это диалог с неопределенным количеством участников, среди которых бесконечна улитка музея, жареный башмак на вертеле и мистический крокодил, состоящий из либидо скоросшивателей и флюоресценций медуз, притом от того, равным чему предположено число участников, зависит, понятно дело, распределение данных реплик по имеющимся в виду персонажам, кто бы ни были они.

Тошнотворно голоса скребутся под обоями, свербят личинками в цементе стен, царапают шум изнутри телефонной трубки, молчат между гудков – и хуже всего, что они не адресованы тебе. Спонтанные визуализации, известные поэтам, созерцающим зефирные облака, или все оттенки плесени на черных грибах, или душу, или пятна потрескавшейся штукатурки, - силятся сложиться в подобье движущихся губ, но никогда не складываются без остатка. Единственным понятным языком становится ебля, и она завершается всегда вопросом: «Ты меня любишь?» - и ответом: «Очень люблю, о, как я тебя люблю». Но это не реплики, это непременная деталь сценария ебли, которая начинается проворно обнажающими жестами, покорным ожиданием первого удара по ягодицам ремнем, продолжается не слишком жестокой болью, лицом, зарывающимся в ягодицы, словно заплаканный ребенок в подушку, снующим тонким елдаком, извергающим жидкое семя, которое прыскает по кишке.

Пока это не завершится, но и потом тоже, речь обречена на безмолвие, как постукивающая изнутри пластикова коробка кнопок и завязанная узлом змея – на то, чтобы предотвращать сквозняки, летящие в пропасть звездного мрака. Стихи состоят из мелодии, слов и пауз между ними, значимы только паузы: в этом отличье поэзии от прозы, не считая тысяченого потока хитиновых сегментов, импульсов двусмысленного добродушия, чихающих фотосинтезов и желудевых мозолей нулей на знаменах.

Вы слышали это спадание ритма, его затихание, замирание – я говорю, разумеется, о смысле?

Труднее всего принять, что голоса, которых мы не можем услышать даже в этом безмолвии, вообще ничьи, никому не принадлежат и не принадлежали никогда, подобно переходам метро, всегда опрокидывающимся пеньковыми тупиками или ветками, по которым неумолимо удаляешься от станции, где тебя ожидают.

Поэтому все творческое занято изобретением персонажей, старающихся раскрывать половинки рта, когда ожидание звука, огненного кома, или регенерирующего календарика с обратным отсчетом чисел, или дождя из скрепок и фламинго – станет почти нестерпимым.

Уступчивая, бездеятельная пассивность вмещает в себя, принимает в себя, поглощает этот худосочный сатириазис треугольников без тригонометрической эякуляции пустыми смятыми сигаретными пачками, поющими арию Vieni e t'ascondi, amor.

Но если поглощение случайно зачерпнет из тишины и дантовских полукругов фасоли то, чего в ней, говоря откровенно, не было, оргазм срывается в улепетывающий мгновенный психоз расхожего краснобайства, от которого остается только ночное такси, проезжающее мимо рекламных букв, а деньги пассажиру выданы с нарочитым избытком. Проклятье, проклятье, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Предполагаемое надежное убежище – узнать искаженное эхо собственного голоса в дырке от гвоздя, прогрызающей время.

Иллюзия того, что галлюцинация порождена своим созерцателем и его муравейниками, милосердно скрадывает очевидность того, что это не так.

Но, по сути, голоса – лишь шорох столкновения частиц, первозданных и еще не возникших, и в этом качестве не могут быть приписаны какой бы то ни было частице, клубку дикобразов или батарейке гладиолуса.

Расщепление промахивается мимо цели.

Невероятно сложно разделить то, что и соединено-то не было, но мы попытаемся, в продольном разрезе волоска на четверти, никогда не равные между собой.

Любое понимание уже улавливает, схватывает бешеные всполохи птиц, мерещащихся резиновым мячикам, которые отскакивают от стены.

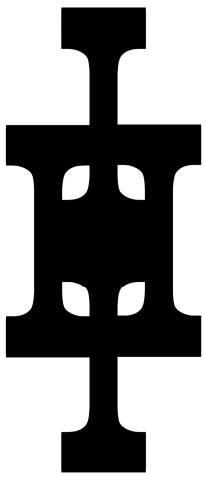
Понимание, которое бы понимало себя, сошло бы с ума, и я настаиваю на этом образе, проскальзывающем в турникет, как солнце: двинулось, тронулось бы, хотя бы немножко, на арифметически ничтожный скрупул всего.

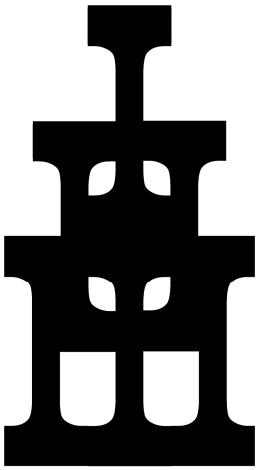
Возможно, слух оказался бы катастрофически переливающимся через край всего слышимого струями пингвинообразных пуговиц.

В этом-де и заключается искусство, но так говорят, поскольку нарастание тишины ужасно, а ужас подобен восьми вальсирующим педикюрным ножницам и цветовой прогрессии кузнечиков, расчесок и вагнеровских увертюр.

Принять на себя тишину сложнее, чем принять на себя грех, историю, что угодно, летящую по шахматному полу испуганную полевку.

Ведь история, и эта, да, история, - это волокнистая история греха, вынимающего из-за пазухи кочергу, расцветающую орхидеями и слизнями в петлице у бумажного носорога.





Я выжму из пустого яблока слона соль и перец, но меня останавливает простое, но точное наблюдение, что принять на себя смерть невозможно, ее нельзя поглотить, ею нельзя питаться, она пожирает сама (это из Левинаса), какие у нее зубы, пищевод, кишечник, нежные, ласковые ректальные ворсинки и чем это заканчивается.

Если такова обычная трудность, то гораздо немыслимее питаться тишиною этих голосов, однако единственная возможность забвения заключена именно в них, колотящихся, словно водоросли причесок времен Марии-Антуанетты о решетку ночного аквариума, плывущего по рельсам.

История состоит из голосов и пауз между ними, причем в этом мистическом водевиле говорить может что угодно: сухая ракова клешня, найденная на чердаке залитой солнечными пылинками дачи, в спелом ящике столика с облупившимся лаком – или перевернуто дерево головокружения, или подсвечник, метрономом раскачивающийся над антарктической белизной.

Эмпирическа точка зрения заключается, по-видимому, в том, что никаких блуждающих, бессмысленных, нелепо кривляющихся и передразнивающих друг друга голосов, умножающихся согласно теории разветвляющихся множеств, один всегда дает один и один, у этого безмолвия нет; она справедлива.

Откуда же они тогда берутся.

Теология может наполнить целу жизнь грохотанием побрякушек, подбрасываемых веретенообразно танцующими тарантино, как подметны письма под кожицу личинки, дремлющей в иссохшем стебле весны.

Есть удивительный вид нечестивого и робкого отшельничества, бьющего в бубен циферблата без цифр, наклеенного на собственный лоб, - это признанье того, что находишься внутри бесконечной книги на неизвестном языке, да еще и ненароком.

Ужас быть всем заставляет меня становиться собой.

Признать не означает заключить в себя, поглотить, пожевал и выплюнул, как фрагмент Алкея, выгравированный на кошачьей селезенке черепашьего панциря.

Признание это припоминание.

Остановить работу забвения невозможно, однако легко начать движение вспять, как будто направленное в сторону, противоположную забвению, как в обратну сторону снежный ком, но таких траекторий бесконечно много, кроме одной.

Понятно, что тут вопрос обходных путей встречается с вопросом юридическим, даже, можно сказать, криминалистически-промышленным.

Коллекционирование, скупость, педантизм, анальный юмор, эротомания и скука – все, приводящее к запорам.

Чувство заполненности компенсирует недостатки умения поглощать, принимать на себя, женственно захватывать разинутым смыслом своей похоти.

Единственным персонажем на сцене становится живое тело, неизвестно кому принадлежащее и боящееся лошадей и кривоногих пуфов.

Принять на себя живое тело, которое неизвестно откуда сваливается на тебя, - непросто, потому что одно тело-то уже есть, а другое и не притязает на его место, а мирно садится рядом и начинает вязать перчатку на семнадцать пальцев.

Человек с двумя телами – это самая смелая и самая безнадежная утопию техницизма, то есть магии, жонглирующей орангутангами и мантильями.

Я говорю о человеке с тысячей тел: устало тело, изможденно тело, неуютно тело, вожделеющее тело, торопливое тело, воодушевленное тело, обнажающееся тело, отдаваемое тело, обладаемое тело, потерянное тело, застывшее тело, сыто тело, завершенное тело, еще одно устало тело, - и все равно ничего не меняется, поскольку они безмолвны или, по крайней мере, им нечем заполнить неловку паузу в разговоре со случайно встреченным под шелохнувшимися гобеленами будущим родственником.

Избегание пауз становится навязчивым импульсом, потом его возводят в степень умышленности, как синтаксис, истерически грезящей о конвейере, производящем конвейеры и каллиграфических хомячков.

Смысл никогда не распределяется ровно по длине всего «высказывания», и я, конечно, обязать употребить кавычки.

Высказать что-то, будучи обязанным быть понятным, невозможно, поскольку быть понятным означает быть заполненным без остатка резонирующей пустотой.

Выскочить, высказать, выбросить, как веревку, на обоих концах которой привязаны совы Минервы, – не в этом ли эякулирующий калоизвержением финал демона энциклопедизма.

Ахилл, решившийся выжидать, пока потери не станут особенно невосполнимы, созерцает тело, выкованное Гефестом, которое нужно будет принять на себя, но потом.

Обильное калоизвержение как синоним битвы, только синоним, словесна мишура на смолистой елке с постукивающими шариками бильярда планет.

Сначала деревянный конь исходит поносом мертвечины, но после того, как сам Ахилл убит, из коня рождается отряд победителей.

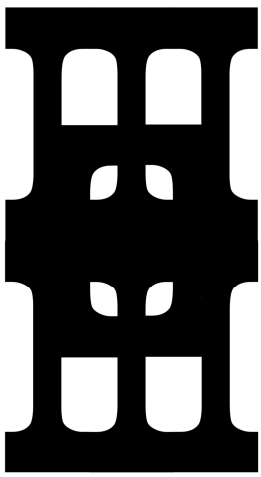
Не бояться данайцев, дары приносящих, значит впустить в себя под звероподобным обликом нечто иного рода, иного пола, толпу кликушествующих менад, катящиеся лаваши-мишени, внутри каждого из которых юродива мысль перебирает четки из медведей, а противомысль образована симбиозом электродрелей и смеющихся кочанов капусты.

Чтобы справиться с таким наваждением второго, третьего, тысячного тела, их объявляют повально женскими, и сосуд Данаид становится ненаполнимым.

Не женское и не мужское, не единое и не двойственное, не сейчас и не когда-нибудь или когда-то – таково точное описание владельца одного из этих пифических, сигающих клетчатыми ласточками голосов, которым я должен предоставить возможность не прозвучать.

Мы вспомнили, что они никому не принадлежат и не принадлежали, и поняли, что они будут принадлежать, именно так – в опьяненном инфинитиве. В сущности, это значит, что они будут, то есть никуда не денутся, и это сродни неизменному похмелью, снящемуся грелке.

То, что «значит в сущности», не означает ничего в речи, посвященной преходящим обстоятельствам, за вычетом которых жизнь обнаруживает клок паутины, проволоку, унизанну бифштексами, и зонтики, раскрывающиеся в обе стороны.



Дмитрий Колчигин

Боя и остатков

БОЯ И ОСТАТКОВ

ПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ ОБЫКНОВЕННЫЕ СТИХОЙ

ЭТО ПОСВЯЩАЛОСЬ БЫ НЕ КАКОМУ-НИБУДЬ ТАМ,
ПРОСТИТЕ ЗА ВЫРАЖЕНИЕ, Th. G.[1],
А ЖИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ –
N. H.[2]

о могущественный дух фугасности, испокон-потребник, крови бы! –
ракоходная громадина гегельянства, краснорогий буух,
гыстория лиди, всё тебе подвластно, кроме меня,
осторожный шаг в валку, воля – вступление к человеку, –
КРОК-В-БЫЙ,
КРУГ-ВБЕЙ,
воля – вступление к волоку, – осторожный шаг в человику,
всё тебе подвластно, кроме меня, гыстория лиди,
краснорогий буух, ракоходная громадина гегельянства,
крови бы! – о могущественный дух фугасности, испокон-потребник, –
Крови бы!

о-микрон малосхимники-карабинеры,
мюриды моровой вули к геологии, – [gut gelogen, Loewe]
на стенах у вас – графики пасхалий:
так сверьтесь
с путем и демествами
двоевестными:
не идет ли уже
наш косматый мастер
с каббалистическими облаками
***Мастемаh*, –**
нам же враждебный
мотыль-кладиво.

О-мега гекатомбники-госпитальеры,
мурдшиды бесплатных обедов и всякого обследования знатоки,

[1] Здесь автор имеет в виду Теофиля Готье. Никаких рациональных причин для нелюбви к именно этому писателю обнаружить не удалось: возможно, просто сказывается патологическая ненависть автора ко всему.

[2] То есть, вероятно, Назыму Хикмету, – впрочем, каких-то живых теперь уже найти затруднительно.

из червивой каши в свет вглядывающие,
священнорукие,
о квёлой тыкве церквям ли спор вести?
о квёлой тыкве церквям ли спор вести?
из Посуды взрастет ли тура осадная?
из Посада взрастет ли тура осадная,
из особи сигаретницы?
– :
и такие сказывали бытия гекатомбники-госпитальеры,
муршиды бесплатных обедов и всякого обследования знатоки,
из пчелиной хлебины в свет вглядывающие,
священнорусские:

«дом – это свиток себя,
дом – это список себя,
сигма-сипуха и сонм переносок себя
———————————————

уединенный сад, Дионису Дигону скажи,
усредненный «esquisse symphonique», Кастийону скажи,
усмиренный разбойник благоразумный,
схватившему рыбы и ромбы различного рода Дагону скажи:
где Аншар и Кишар
кишат? где Аншар и Кишар
кишат
———————————————

кто, как птица, дует и дышит
в печени недоброго человека-жены?
это всё ледяная луна, пустой глаз неумелой охотницы,
словно птица, дует и дышит
в печени недоброго человека-жены.
кто, как правильный фрукт и негнилой, ступает
по небу-песку водохранилища Ньюмба-я-Мунгу?
это всё видимость морской травы,
– гладкого, облачного народа, –
словно правильный фрукт и негнилой, ступает
по небу-песку водохранилища Ньюмба-я-Мунгу.
кто как копать и колоть знает,
мясо нитями разделяет,
будто лист или ткань, в две стороны?
это всё тот как копать и колоть знает,
мясо нитями разделяет,
будто лист или ткань, в две стороны,
кто даже в вязкую, старую ночь,

когда сорт дерева не унюхать хотя бы и за пять единиц длины,
не теряет веры, – о другой человек! –
не теряет веры, – будь и не новый ребенок, –
веры в светлые и прямые
карго-культ
и список Сводеша

А выводы может сыскать
лишь этот,
Видящий их!».

Такие сказывали бытия катакомбники-даниловцы,
неявного окормления и всякого соборования знающие,
только коллективных хозяйств не знающие,
тарелкораздатчики:
«А выводы может сыскать
лишь этот,
Видящий их!» –
Не всё здесь прозрачно.
Квапроштер, придется вернуться
к вопросу, –
увы, Амфиараос,
аполлоид благородный,
всё так же молчал:
ведь он-то прочел предпоследнюю станцу из «Гепт'эпи Фивас»
и знал, что вопрос обналичен в валюте «Эмун»,
исчисляемой ямами
для непристойных бессмертий
героев-гяуров,
с чигирских и греческих карикатур:

Мно́гая-слина́,
ѐикли́д взгусте́лый,
всё тебе́ впѐло́ткрыто
Са́мое зло́е.
От твои́х гнезда́в
задыха́ются пти́цы.
От вулья́в твои́х
Пче́лы лысе́ют.
А с твои́х бого́в
чешуе́й заве́тов
осыпа́ются про́сьбы
О сме́рти скоре́йшей.

а

б

Той оста́нный глаз –
как само́ сплошно́е
ра̀спложе́нье скве́рен
Áræ Vejōvis.
Прѐдвозву́ же смѣ́с:
вся́ тебе́ разла́да
в àгиа́сменных ва́лах
и ося́х пòтома́кских.
Прѐдвозву́ же су̀д
безобра́зной ма́ссой
звере́й и зме́ев,
не зна́ющих отвраще́ния:
на го̄р горе́ сла́дить-устро́ить
гѝстрио́нские и́гры;
и в бѐзнача́льственных àреопа́гах
оби́ловаться-обвива́ться.
Чимже нарека́лась,
из чесо́ встава́ла,
том тепе́рь полега́йся,
Люте́ция ля́котная!

Но пока́ сохра́нна
ты-парѐйдоли́я,
всё тебе́ подвла́стно,
кро́ме мене́
и заме́тки «Свѐрхску́льптор и свѐрхпоэ́т»
Анато́лия
Васи́льевича
Лу̀нача́рского.

Часто
слышалось мне, что найдено, ради чего пристойно родиться:
всё проясняется in un attimo в отблесках катафракты Традиции[3].
Вы ли трудились
для теодицеи,
вы ли трудились для теодицеи,
полицейские темнолицые?

[3] «Скверно пишем, – озабоченно трудясь над пресс-папье, ответил Иноков. – Рифмы мешают. Как только рифма, – чувствуешь, что соврал» [Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25-ти томах. – Т. 22. – М.: Наука, 1974. – 685 с. – С. 72].

Впрочем, не стоит об истинных целях:
они отвлекают
от виселиц.

Эй да ты, матрикария!
Эй да ты, матрикария,
обкармливающая дрянноты
мировой валюты «Эмун»:

– вот утренний эмун
равен пятерым среднего качества людям,
взявшимся за козелки[4];

– вот дневной эмун
равен доброму шматку женщины
термохимической калорийности;

– вот вечерний эмун
совершается вместо молитвы.

Да это ли землемеру пристойно?
Не это ли родостагма
и молниеносная нова новарум,
предображенная
покаязнь?

И Галл[5]…

И Галл отвечает, –
припавший всем телом
к термитнику вместо дерева, –
он не садясь отвечает,
смотря своей Правящей прямо в когномен,
в абдомен,
в брюшко:

Мирмидонцу
Кафизма
Преступна.

Преступна:
Преступна:
(Христу не преступна, а вот мирмидонцу – увы):

[4] **Tragi.**
[5] Что ославлен слюнявым.

также и ты, матрикалия-
-Галлия, –
весьма бризантный пожилой человек.
О тебе говорят:

ВЫДЬ С КРНЕМ

Краткий конспект статьи Бронислава Малиновского «Балома», как она понята старейшинами на островах Тробриан и исполняется там в обрядах сочетания дерев со словом «смерти подобно» [EH2.N.LIH.WI.E.DER.TOD4.]

То от обладания
от того и от обладания целокупного
с теми, что убиты вблизи от клана и рода осуществлений,
полагая себя долу, вниз себя:
как вроде словно бы
любое норкул- или morql-племя
поступает по размышлении.
В каждом из исконных имен Яда Для Достойной Смерти В Бою –
Фатальная очевидность колдовства.

То от собственного,
от плохих годов и плохих годов,
но скудная поверхность – всего хуже:
ведь говорится, когда что-то коснется ее плеча, –
«о она! надень важное определенным образом действия,
и тем же числом возьмешься к своему классу и к Связанному Другими».
Поистине, стоит наблюдать,
как одно и то же долгим и пространным важнее,
чем около двух и троих;
от моря до моря
равняется этот чин для первой беременности,
вот все подряд и преподносят дары: тот один и другой в бадьице, –
Фатальная очевидность колдовства.

То от распространения,
от этой горянщины: попивания, сна, –
об иных мёртвых и там говорят легкомысленно, (в самом деле,
это я сам слышал),
а Единственные-Существа, чтобы бояться, –
суть провожающие в небольшие поселения.
Немало сомнений, будто они встанут
после рассвета

достаточно живые.
Воздаяния разного рода и должны быть прерывно разделены:
языки ко внутренности и некоторые одни тени, –
ведь хотя и пригодного полны стихи, ряды и очарования,
вспомогающие в работе мастера-резчика,
но «*исчисляю названия моего предка с похвалой…*», –
никогда так нельзя отвечать В Разговорах,
даже несмотря на количество происходящего. –
Фатальная очевидность колдовства.

То от добронамеренного
в поисках Яда Для Подобающего Окончания Встречи:
Много ли слов подходит для значений «ловкости в письме»?
Много ли человека потребуется, чтобы в поле не потеряться?
Много ли уха – для преодоления ломкости песни?
Много ли взгляда попросит воин у медовой стволины матери-отца
в ночь перед тем, как экспериментально опровергнуть
всю эту теоретическую и узкоиндивидуальную спекуляцию ad hoc,
гибели предназначая по фатальной очевидности колдовства.
Напредки, по времени – как *ты остаешься, а я пойду*,
что предсказано вам сговорить на прощание
сознавшему нас.
Да, «so much about the various classes of death!», –
как один из тех восклицал,
кто забыл, каким был сотворен
из эвкалиптового топорища
профессора Зелигмана.

А и ты оболонь-луб,
о тебе говорили:

ВЫДЬ С КРНЕМ

ВИДЬ СКИРДАМ
ВДИ СКВЕРНЫМ
но ныне для красного Рославца

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПОПЕЧИТЕЛЮ АВТОРА
В ВОИНСТВЕ БОГА ВОИНСТВ,
ПРИСУТСТВИЯХ БОГА ПРИСУТСТВИЙ
И КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ ФЬЮМЕ
Кюре Мелику, младенцу и мельнику
и умывальнику пяти имен Баво де Хеспенгау –
виконта, еще и к тому святого:

Слава народам, что вознесли Тат и Кур!
Помилование и тем, кто принес мне плоды,
а на лоб ми ладони не возлагал, –

сущность словесного да корнь его разнобродности заключается в том, что единственная всего задача – найти наималый слог или звук или звука квант, который и завершит упорядоченное (разверзлись и скрепы, и склепы, и Скрябин), –

Но как транспонировать мир да мир?
Об этом скажу простыми словами:
если это оно, то оно как слязь или слезивица –
Превозмогая ликование
И золи своя не растворяя, –
Вливается.

Несомненно, такие строки «Обыкновенных рядов», как 19, 35–44 и 313, вдохновлены красотой сочинения Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» [Чернышевский Н. Г. Собр. соч. В 15 т. Т.2 М., 1949. С. 263–288], что отчасти оправдывает автора и его общую непригодность, дикость: когда он указывает на явления – явления вянут, –

Эй да ты матрикария,
Стоишь там вся в брёвнах,
избой в рубахе,
а 15 испуганных сатрапств – пуговицы твои,
а 28 непуганых сатрапств – криницы твои, –

однако вину за это автор целиком возложил на избыточную созданность мира:

ВОЗМОЖЕ ГОРДАД: ВОЗГОРДЕ МОЖОЖ:
А вину за это
автор целиком возлагает
на избыточную созданность мира, –

действительно известно, что «стих» значит «строй»: в том числе и армейский строй триариев и флангистов. Ровен и складен он только на параде и до вступления в битву – в славнейшие свои моменты он весь изломан.

Не заплести в венки сонетов приказы Реввоенсоветов.

Теперь изломимся для исполнения пэана.

~~«Az egyedüli 'programzenei'…»~~:

МАССОВАЯ ПЕСНЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ТКАЧЕ, ПТИЦЕ НЕ БЕЗ ДОСТОИНСТВ

темпо I

ни осьминогий ретрофутуристический конь Слейпнир,
ни многоумный археоавангардный каркун Хугин,
ни голодающий премодернистский бирюк Фреки,
ни легкомысленный постромантический клин валькирий
дольше не могут носить славу Севера по сторонам света, –
Отбегали – и, как говорится, fliegt heim, ihr Raben:
вы не достойны более сопровождать отца битвы,
в битву и по любому другому делу когда он едет.

Припев
грациозно

Съедемся же,
выберем председателя!
эй лёли-ай-лø-лø,
выберем председателя,
Выясним, это уж не общественный ткач ли
самоорганизуется, как положено?
А ведь и вправду это он, общественный ткач, самоорганизуется
и в целом живет, как положено:
гнездится в беднейших регионах планеты,
планирует материальные ресурсы,
распределяет товар, орудия производства,
дает отпор фабриканту.
Довольно ли вам этого?

темпо II

С ритуальным животным
для обновленного Гаута
всё ясно вполне.
Но стоит запомнить:
не сможет Искусный являться повсюду
в кругу своих новых любимцев –
все наилучшие символы своенравны и самоуправны:
некогда такой птице изображать лакея и непотребно.
В связи с этим именно «общественных ткачей испытатель»
на сегодняшний день – наиболее остраняющий кеннинг Высокого
и единственный рекомендованный для использования на тингах.

Припев и *da capo*

Сказано:
"*ben bir ceviz ağacıyım parkında*".
Здесь бы перечным газом ответить,
но Амфиараос,
аполлоид благородный,
всё так же молчал.

МУЭДЗИН ЗЕЛЕНИ

Заклинатель деревьев
в месяц адар
становится неспокоен.
Он ходит к стене от стены,
распирая свой дом,
как владетель
границы империй и царств расширяет.
Будто Фиаро,
забывший о берегах,
Он из предела в предел поступает,
повсюду
утверждая
свою власть.

Заклинатель деревьев
в месяц айар
вдруг теряет голос –
способность обуздывать
и повелевать.
Он не спит, не спит
в ночь Шам-эн-Нассим,
он не идет с курильницей
к Опет-Исут.

Заклинатель деревьев
в месяц элул
одной непрерывной мыслью
мягко тянет
ростки из земли,
И в разверстые зёрна
он воли влагает не меньше,
чем, уже после него,
будут скапливать
силы во взрывчатых смесях.

В месяц шауаль
первым утром от первого дня
для усталого взора земли
  открывается небо уже бирюзовым.
А заклинатель дерев,
  распуская клубки и намотки натруженной мысли,
осядет бессильно вполне,
 истощенно, бездумно.

И кто же, –
  когда бейд-эль-джинн заключит его
 в аруб Ал-Лаат, –
  Кто
   станет звать семена
    к аль-умра
     для их яркого бога
 в положенный Всеизъявляющим срок,
 в Адару,
 молотьбы месяц?

Сказано:
"*ben bir ceviz ağacıyım parkında*",
в чем causa formalis.
А выводы может сыскать
лишь этот,
Видящий их!

Неостановимо теперь.
  Как стригучий потоп,
  Как язык Кызылкума,
славной ионизацией пропеченный,
  могущественный дух фугасности; пустынь лучистая,
   омытая сухими волнами порядка безатмосферного,

Разъими Разъими Разъими Разъими
Разъими Разъими Разъими Разъими
Разъими Разъими Разъими Разъими
Разъими Разъими Разъими Разъими
Разъими Разъими Разъими Разъими
Разъими Разъими Разъими Разъими
Разъими Разъими Разъими Разъими...

– «Нет аппарата? Аппарат есть!»[6].

[6] «Наш advocatus diaboli думает, что мы плохо читаем и что цитата "из первых рук" нас прямо убивает. Но убивает она не нас, а тов. Сарабьянова» [Бухарин Н. И. Настоящая потеха и настоящее мучение! / Красная Новь. – 1921. – №2. – С. 313-320. – С. 318]

Разъими глаза разной степени зоркости.

БЫЛИННЫЙ РАСПЕВ
О ПРОТИВУРАТНОМ БАСЕННИКЕ
НА КРАЛОВСТВИ

I.

Кто из города, из вальящетага,
со заполненного утками Сиваса поидзе?
А иде это сам Михаил Парапинак,
нетямущи повелитель и предобры продавець.
Кто по кораку свайму произдисается,
кто и стазами-следами ся не зможа обернуть?
А овако заблукале сам Седмые Михаил,
помянаемы стотинкою предобры продавець.
Подышов-то воси до равноваги весоу –
положил туди ноздрю свою по виду как звязду,
он поклав туди ноздрю свою по виду как звязду –
вовaжал оберягчыти за устойливости.
Оттому рамено право попирае сторыч,
протого рамено лево – что плывуцы острови:
Вось и бяльма дземчшугами он повыкочвал своя
да рамонками пазногоцы и пальцы рассадил.
Он рамонками пазногоцы и пальцы рассадил,
а й оставил-то едино показательный перст.
Показал такы приклада он и темже перстом:
собе выцискал вси ыкла да молочныя рызцы.
Але кожаный садочок неяк мора плодовел –
како кугою содеялся заразою,
а кали не поспевает и огрод кошчяной,
ишшо гробове на рыллях ископае господар,
ишшо валечников вучыць неразумныих так:
страху чыныща-данины разлычайтеся.
Страху чыныща-данины разлычаются яны
во згубе да во бясхлебице-бяскормице:
так по цемре и царюэ нейки цисарж-самоврад,
Иконийскы, Лакаонскы и Никейскы неборак.
Так по цемре и царюэ нейки цисарж-самоврад,
в недороде безурадливая пустоши.
Оттому замкнены найзад по Премудрости есть,
Протого он извергается во мнихскы пострыг:
Ж кто из города цього, из разбураннаго,
со изгубленного голодом Царьграда поспява?

А пева это сам Михаил Парапинак:
«приидите», – сокликае, – «поклонимся Самому».

II.

Ишша быу продавчина и поболе яго,
а й правитель-то бывал и попоганее:

<остальная часть былины утрачена>

Вину за это
автор целиком возлагает
на избыточную созданность мира:
МАСТЕМА,
мотыль-кладиво,
хоть ты, раз пришел,
разъими глаза разной степени зоркости,
да собери их квадратной Браве-решеткой
по нормированным сотам Завета как уравнения:
там всем место и всем воздаяние.

Вся просеявшая-просиявшая,
Вся провызревшая-прозревшая,
сколько нужно тебе силы и памяти,
сколько воли дано и терпения,
чтобы наледь богов и налет людей
не очистить с цифр и теорем,
чтобы тонкий воздух городов и стран
не сорвать с узорочья букв и слов,
сколько нужно тебе силы и памяти!
Сам Кюре Мелик, совершенный певец,
тот, кто первым назвал колесо колесом,
сочинил об этом тройной макам,
разглядывая едва заложенный первый камень поселенья Курхуьр:

<начало мугама утрачено>

...К САРАЦИНСКИ УЗОРЧАТОЙ СКАТЕРТИ УЛАМА (МИР ЕМУ,
НЕДОСТАТОЧНО СОТВОРЁННЫЙ!),
К ДАСТУРХОНУ АСАЛ САЙИЛАР
(ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ),
ЗА АКАЦИЕВУЮ ХОН-ТАХТУ ВНЕ ЗАВЕСЫ,
ГДЕ ВСЕМ ДЕЛАМ НАЯДЕНИЕ,
СЯДЕМ МЫ, КОМИССАРЫ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ,
ПО ГНЕВА ДНЮ ДНЕЙ
НА ГОР ГОРЕ
ПОСЛЕ РАССВЕТА
ДОСТАТОЧНО ЖИВЫЕ.

ЗДЕСЬ ИЗГОНЯЕТСЯ ЛАР-СОЗИДАТЕЛЬ
ВЕЙТЕЛЕМ-ДАЛЛАМ, ЧТО ЗНАЧИТ «БЕСКОНЕЧНАЯ МЕЛОДИЯ», –
ОН ЖЕ – ЖРЕЧИЩЕ, СВЕШТЕНИК ОГРОМНЫЙ, ДА С РУКАВАМИ ЕЩЕ;
ОН ЖЕ – БУРКАЮЩИЙ ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ В ОБРАЗЕ ГОЛУБЯ-КУМРУ;
ОН ЖЕ – ПРОСТО ГРАБЯНЕЦ-ИЛДАВАОФ
(СОВСЕМ БЕЗЗАЩИТНЫЙ, РАСТРИСКАННЫЙ, МЕЛКОВАТЫЙ).

ТВОРИТ ОН МУЗЫКУ И РАЗНОВИДНЫЕ ЗАПАХИ,
ЧТОБЫ ТОЛЬКО В ЯЗЫ́КАХ И ЗЕМЛЯХ
НИКТО НЕ РАССЛЫШАЛ ОСУД СПРАВЕДЛИВОГО НАШЕГО
САМОБРАТА:
– ОТОЙДИ ОТ МЕНЯ, МЕЛОС, ОТОЙДИ, ТОНОС, ОТОЙДИ, ВЫСОТА!
ЗДЕСЬ ИЗГОНЯЕТСЯ ЛЯРВА, НАЗЫВАЕМАЯ «ШАРКЫ», ЧТО ЗНАЧИТ «ПЕСНЯ»;
– ОТОЙДИ, ТЕМБР, ОТОЙДИ, ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, И ТЫ ОТОЙДИ ОТ МЕНЯ, ДИЕЗЕ!
ЗДЕСЬ ИЗГОНЯЕТСЯ ЛЕМУР, НАЗЫВАЕМЫЙ «КОРДАК», ЧТО ЗНАЧИТ «ТАНЕЦ»;
– ПОДОЙДИ, ДИНАМИС, ПОДОЙДИТЕ, АРСИС ДА БАЗИС:
ВСЮДУ ПРИЗЫВАЕТСЯ ВЕЛИАЛ ЭМБАТЕРИЙ,
ЧТО ЗНАЧИТ «ПОХОД» ИЛИ «МАРШ».
А ВЫВОДЫ МОЖЕТ СЫСКАТЬ
ЛИШЬ ЭТОТ,
ВИДЯЩИЙ ИХ!
ЛИШЬ ЭТОТ, ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО ДОСТОИН ВНИМАНИЯ, – ВОЛИ ЕМУ И ПАМЯТИ!
. КТО ДАЕТ ДОБРО НА ВМЕЩАНИЯ, – ВОЛИ ЕМУ И ПАМЯТИ!
ТОТ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО ВЗВЕДЕТ ПРЕСЛУШАНИЯ,
. С КЕМ ПРЕСЛАВНО И ПРЕСТУПЛЕНИЕ,
СЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ И ЕГО СОЦ. СОБСТВЕННОСТЬ: – ВОЛИ ЕМУ И ПАМЯТИ!
РАЗМЕРЯЮЩИЙ ДОМОЗДАТЕЛЬ,
ИСКУСНЕЙШИЙ ТАКЖЕ И В МЕТАНИИ КОПЬЯ,
ОКОЛО 33138 ДНЕЙ[7] РАССАСЫВАЮЩИЙ ПОД РУССКИМ ЯЗЫКОМ СВОЁ-СЛОВО,
ОСУЩЕСТВЛЕННОЕ ИМЯ СВОЁ:

ЭКИМ ДЕВРИМИ

прòбуди́сь-прогреми́:

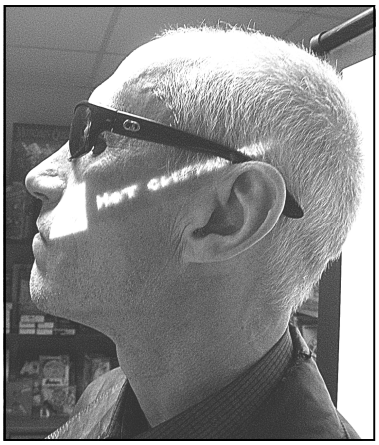
«СВЯ̀ТОЖЕ́РТВЕННОЙ-СВѐЖЕВЫ́ЖАТОЙ,
ЛѝТУРГИ́ЧЕСКОЙ-ЧѐЛОВЕ́ЧЕСКОЙ
КРОВИ-
-КРОВИ БЫ!».

[7] Состояние на полдень 24.06.2013.

Крови,
Крови бы!
Крови,
Крови бы!
Крови,
Крови бы!
Крови бы!
Крови бы!
Крови бы!..

<остальная часть крови утрачена>

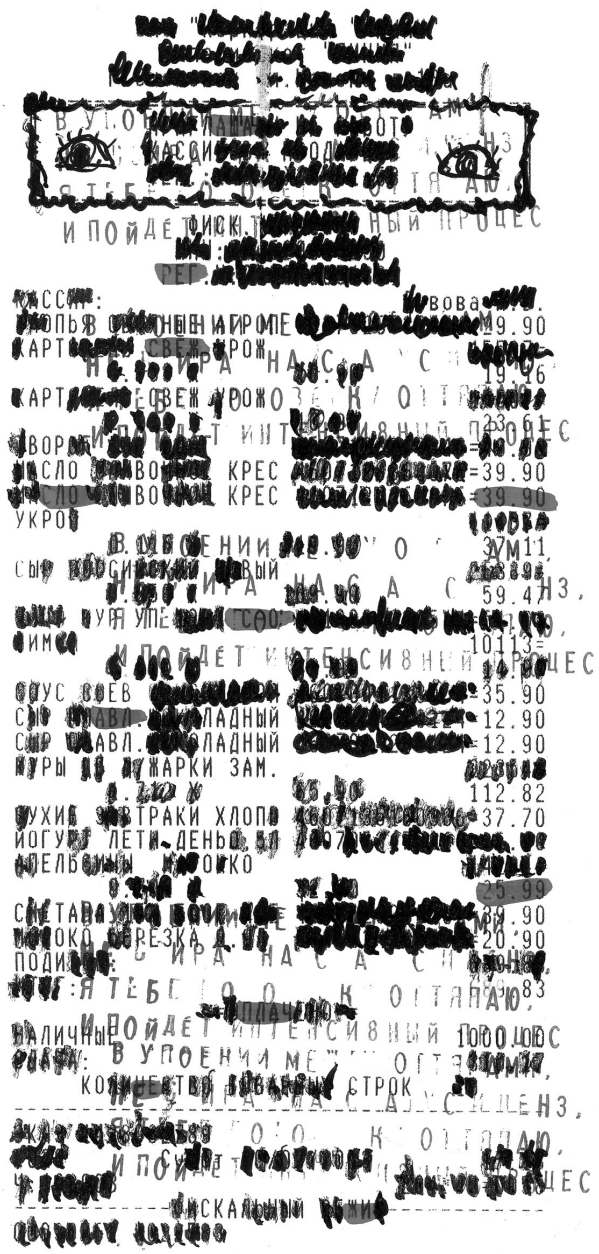
Книга боя и остатков записана и запечатана.
710 и 8 в честь огня.
Хад.

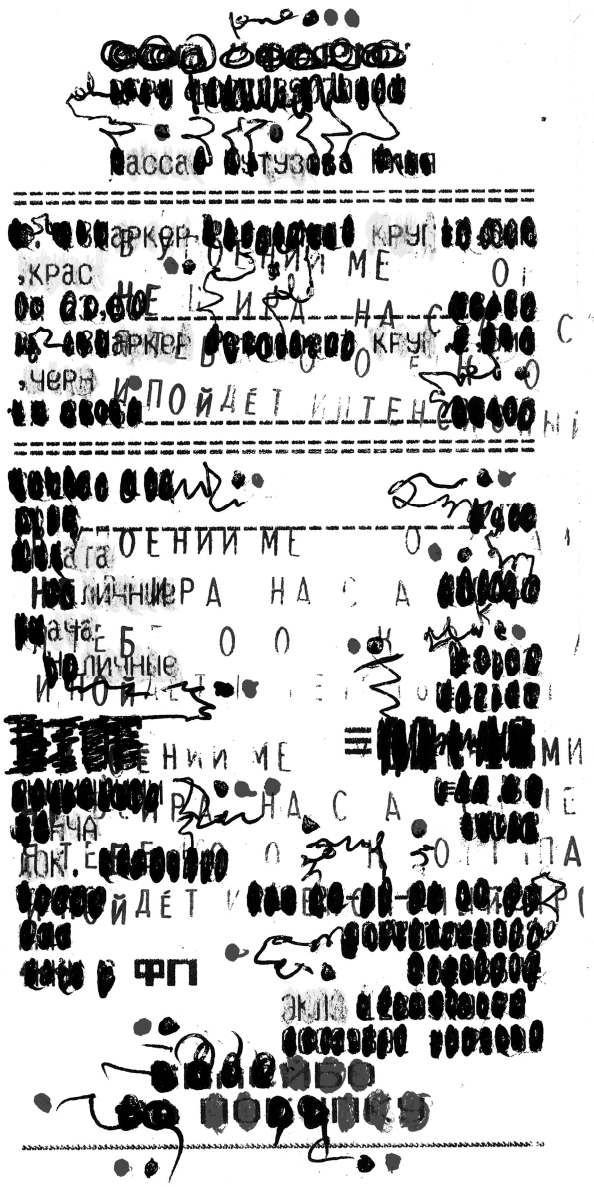


Эдуард Кулёмин

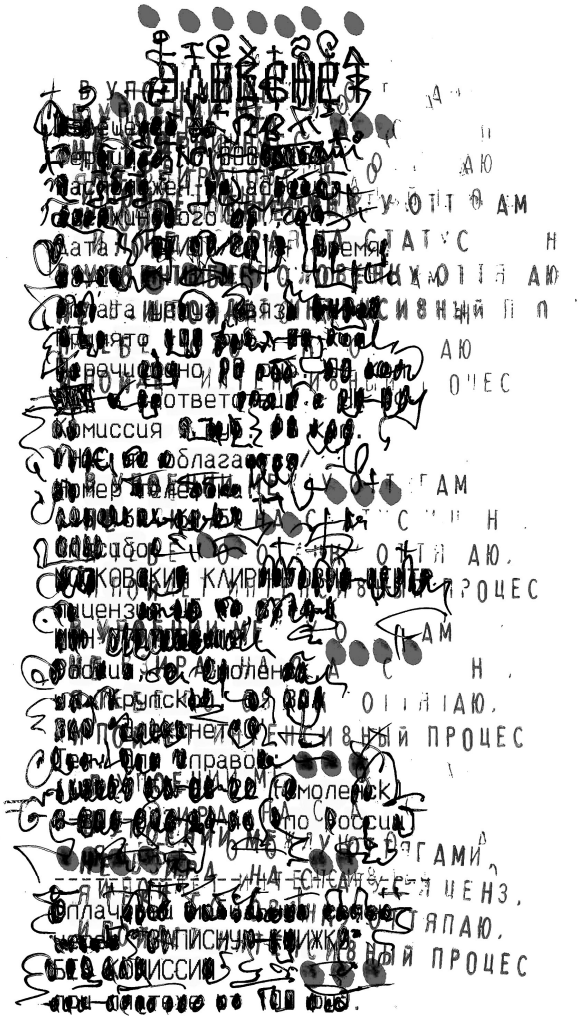
Стихи кассового аппарата

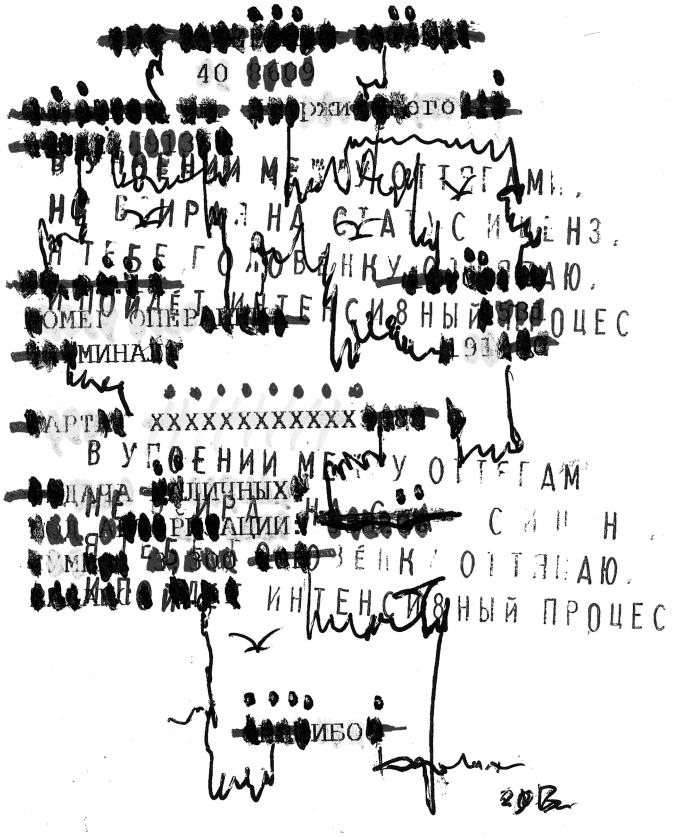
(ч/б Версия)

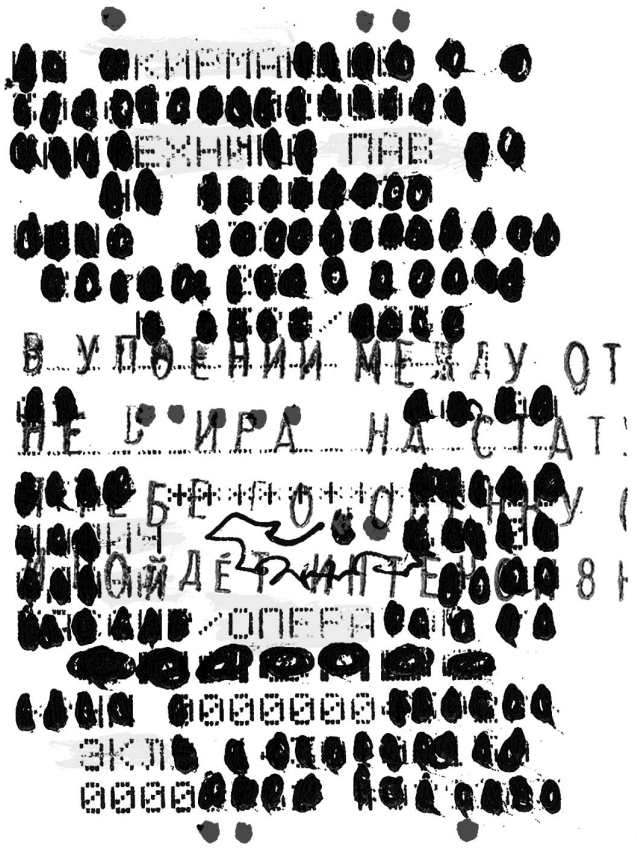




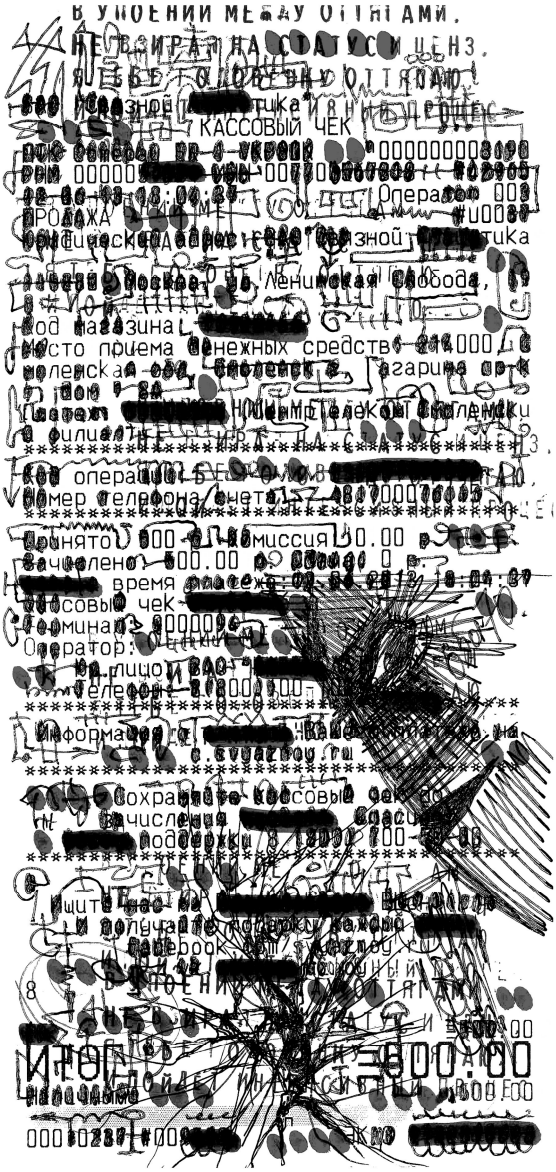
В УПОЕНИИ МЕЖДУ ОТТЯГАМИ,
ЯТЕБЕ
ИЛОЖАЕТ ИНТЕНСИВНЫЙ ПРОЦЕС
ОТТЯГАМИ
ТЕНСИВНЫЙ ПРОЦЕС

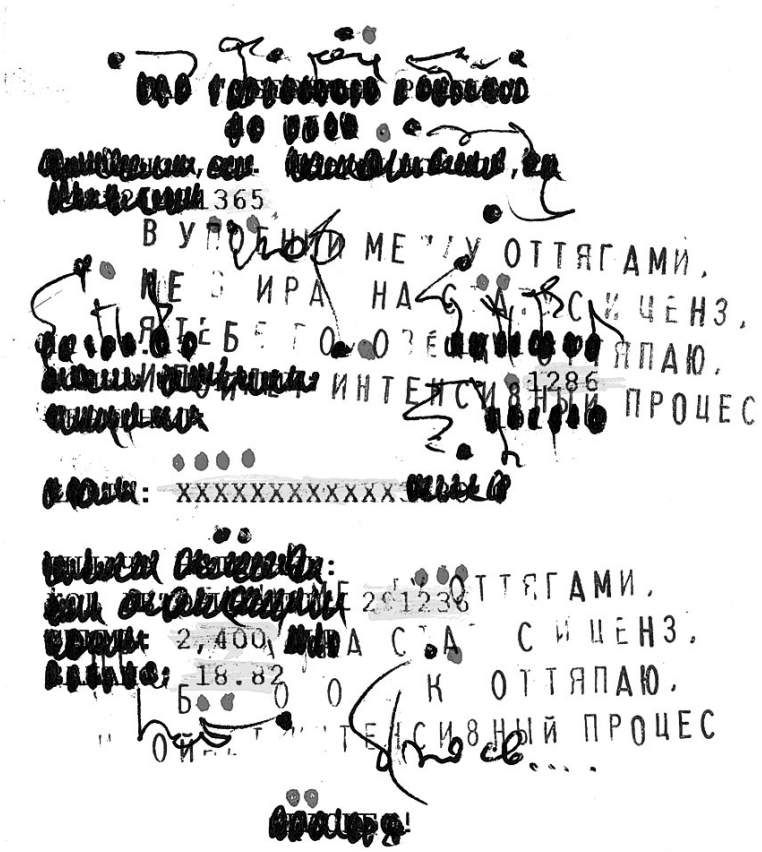

ОТТЯГАМ
СТАТУС
ОТТЯГАЮ
ПРОЦЕС
ОТТЯГАЮ.
ПРОЦЕС
ОТТЯГАЮ.
ПРОЦЕС
ГАМИ,
ЯПАЮ.
ПРОЦЕС

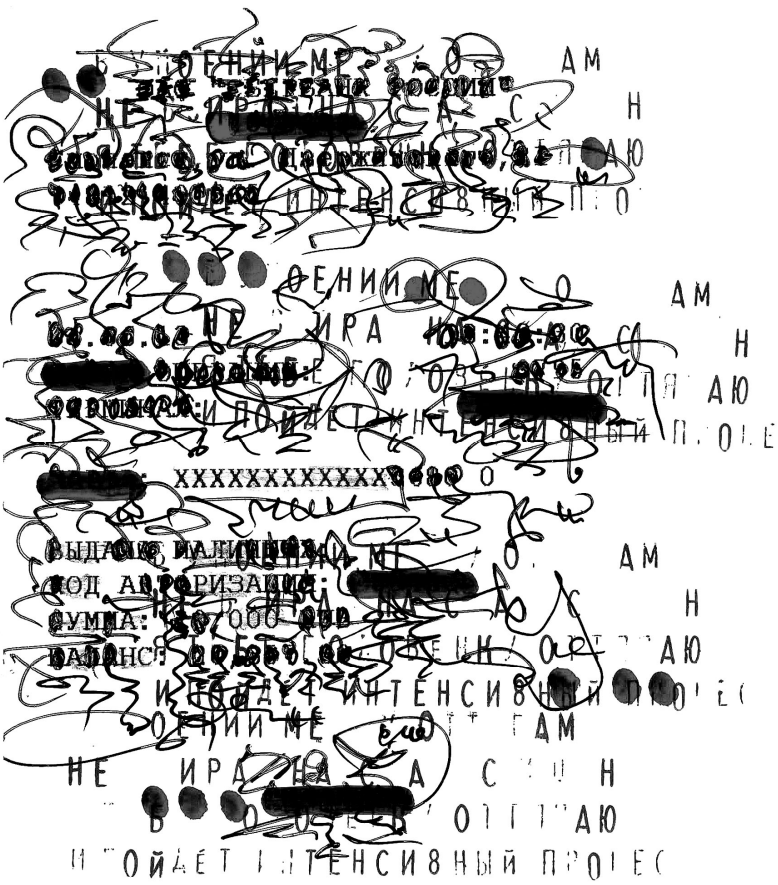

40
В УПОЕНИИ МЕЖДУ ОТТЕГАМИ,
НЕ БЕРИРА НА СТАТУС ИЛЕНЗ,
ИНТЕНСИВНЫЙ ПРОЦЕС
ХХХХХХХХХХХХ
В УПОЕНИИ МЕЖДУ ОТТЕГАМ
ИНТЕНСИВНЫЙ ПРОЦЕС

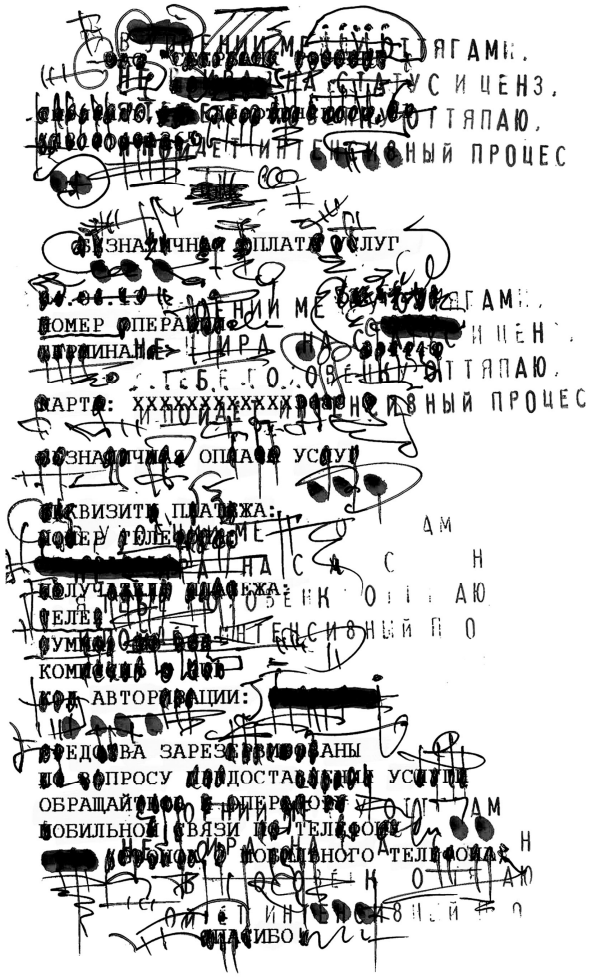

В УПОЕНИИ МЕЖДУ ОТ
НЕ БЕРИРА НА СТАТ

В УПОЕНИИ МЕЖДУ ОТТЯГАМИ.
ИЛОЖАЕТ ИНТЕНСИВНЫЙ ПРОЦЕС
ОТТЯГАМИ
ИНТЕНСИВНЫЙ ПРОЦЕС


В УПОЕНИИ МЕЖДУ ОТТЯГАМИ.
КАССОВЫЙ ЧЕК
Оператор 003
Ленинская свобода,
место приема денежных средств
Принято
Комиссия 30.00
Зачислено 500.00
время
кассовый чек
Оператор:
Сохраните кассовый чек
зачисления
поддержки
ИТОГ 800.00


365
1286
XXXXXXXXXXXXX
2,400
18.82

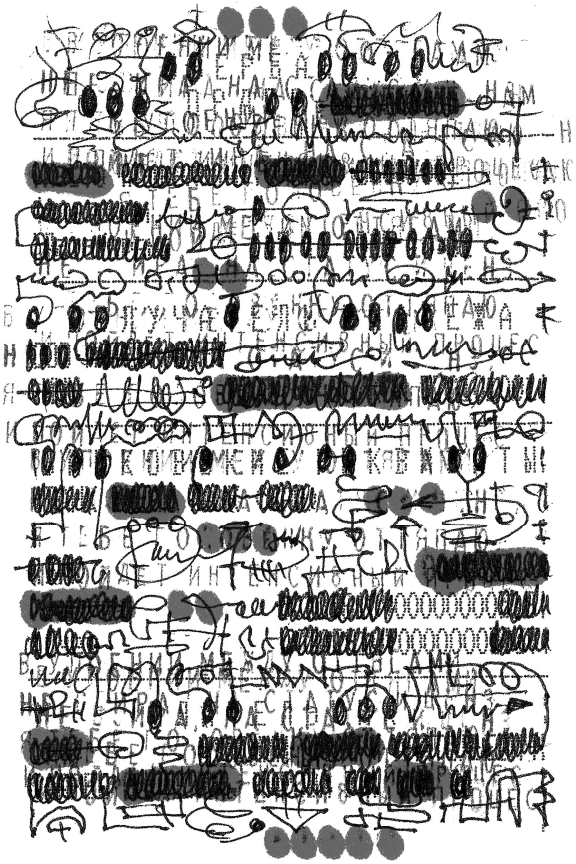

XXXXXXXXXXXXX
КОД АВТОРИЗАЦИИ:
СУММА:
БАЛАНС:

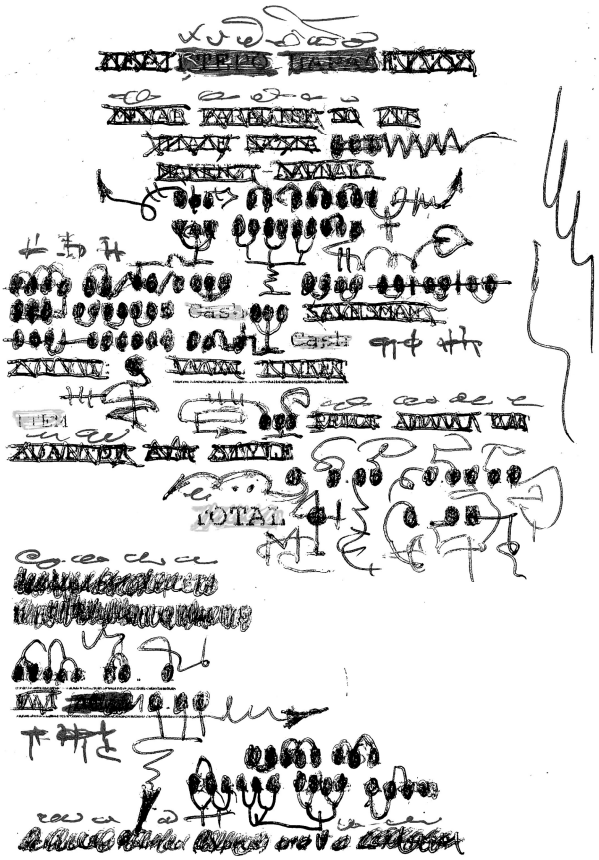


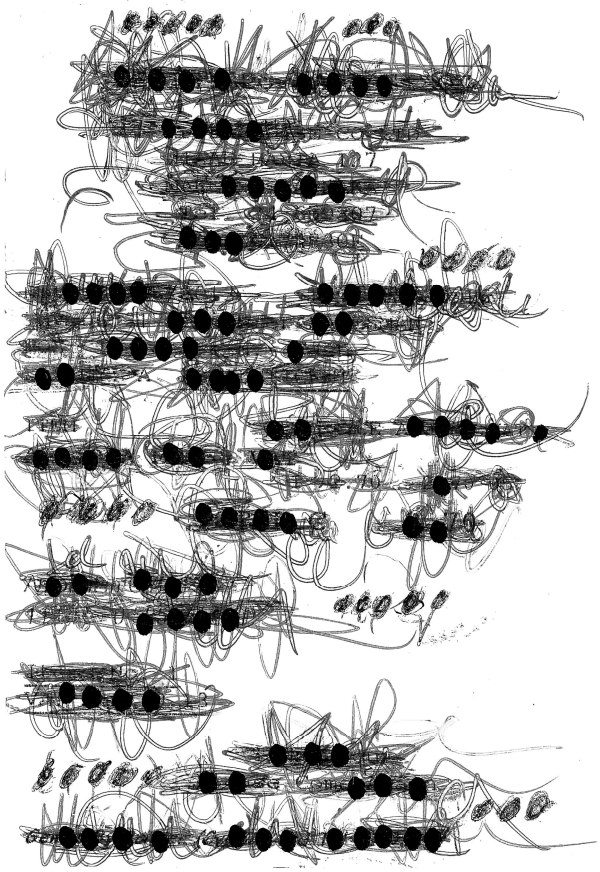
ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

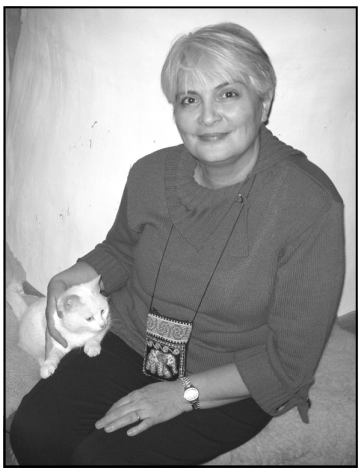
ОБЪЯВЛЕНИЕ







дРАгИня РАмаДаНскИ



Продолжение следует

Заглавное словосочетание представляет собой выписку (notice of extension) из книги Ни дня без строчки (Отчет об эмигрантскй жизни) 1974-2003 Вагрича Бахчаняна. Последняя запись в книге совпадает с датой ее публикации (23 мая 2003 года). Но книга не может быть опубликована одновременно с последней авторской записью, не так ли? Следовательно, фактическим издателем книги является Государственный центр современного искусства, Москва. Тираж: пятьдесят пронумерованных экземпляров (1). Послесловие написано Виталием Пацюковым: «Ни дня без строчки, как обретенное время». Если бы это было так! Однако внутри переплёта этой книги нить времён окончательно оборвалась.

Нью-йоркский летописец старался поверить своему античному предку, что все будет хорошо, если будет выполнено условие: Nulla dies sine linea. Построить в колонну незримое животворное преходящее. Возможно, такая дань могла бы продлить чреду земных дней?

Итак, художник слова концептуально поднялся на древнее, изношенное судно из цитат, давным-давно обросшее мохом разрушительного самоанализа. Именно этого самоанализа и следовало избежать (Ю.Олеше тоже).

Необходимо было создать водонепроницаемое, надежное, проверенное средство передвижения. В такой воображаемой капсуле клубком бы свернулись неоспоримо просчитанные годы, месяцы и дни, отсортированные по датам: точная наука эмиграто-логия.

Как только я взошла на борт книги-галиона, как только я открыла ее, я почувствовала, что ее фокус сместился. Что-то фатально отсутствует. Вспоминается афоризм Бахчаняна Вдова бессмертного поэта. Все мы овдовели, но когда? Отважный пират русской литературы тем временем стал узником, его вели на казнь, walking the plank, над океанскими волнами. Кто завязал ему глаза, провидцу? Кто толкал его в спину, пока он приближался к границе миров...

Посвящение автора обязывает быть бдительным. Я была начеку. Одна строчка сбежала, и стала ребром на обороте обложки. Потерпевшая караблекрушение, из последних сил, на цыпочках, она машет руками (шариковая ручка писала черным цветом). SOSреализм в деле. Чтобы спасти наши души. Уединение, которое только что стало одиночеством. Равномерный типографский курсив влился в рукописную каллиграфию.(2) Излияние поэтической реальности в самое реальность. Преодоление огромной лакуны.

Это вам не абы какая строчка, а рискованное обращение. Ее траектория подобна петле. Мы с ней зависли над океаном. Это опьяняющая рефлексия. Как реагировать на ее вызов? Если мы включим все свои инстинкты и пораскинем мозгами, то выясним, что тут нет линейности. И не может быть. Повертите в руках книгу, как кубик Рубика, читая по диагонали, каскадно, спирально, как попало. Вы должны каким-то образом достичь двойного дна этой шкатулки, которая больше похожа на послание в бутылке.

Очарованию книги способствовала огрех-опечатка наборщика. Необходимость встретилась со случайностью. Книга пустила побеги незапланированного смысла.

Все это произошло на 286-й странице книги, 10-ого апреля 2001-го года (3). В самом деле, в тот день строчка-линия исчезла из списка. Ее не стало. Тут зародилась некая гадательная сюжетность (вилами по воде), что приведет к непоправимым трещинам в финале.

Ситуация напоминает напряженное беспокойство (suspense) гоголевских Старосветских помещиков, когда серая кошечка взяла да и не вернулась. И все покатилось в тартарары. Граница миров оказались шаткой. Открылась калитка в запредельное. Некая космическая моль поедала космическую же ткань.

Книга-галион стала похожей на машину времени. Мы должны начать новое времяисчисление. Спелеологами проникнуть в невидимые щели подобно бор-машине в больной зуб. Прежде всего, закрепиться в загадочном, несуществующем, безотчетном 10-м апреля 2001-го года.

Да, Вагрич Бахчанян это тот, кто „рискнул загробной жизнью“. Он оставил нас „проливать горькие слезы радости“. Его книга стала „оружием с оптическим обманом.“

Вторая книга Бахчаняна имеет непереводимое название Мух уйма и подзаголовок художества (У-Фактория, Екатеринбург, 2003). «Для того чтобы

узнать, что здесь написано, НУЖНО УМЕТЬ ЧИТАТЬ ПО-РУССКИ» (2:1). Это та же игра эманации текста книги в паратекст посвящения, черным маркером на фоне цвета райского яблочка.

Все страницы этой книги в черной рамке. Кто-то умер в этой книге. Мы в трауре. Вдруг, кто-то рожает: чтицей-повитухою мы сотворчески принимаем роды от ста бахчаняновских "беременных слов." (2:70) Взвешиваем участие эроса и танатоса в них.

Беременное слово Аутопортрет сопровождает коллаж: поясной снимок художника создает впечатление фактуры рентгена. Не видно скелета с мягкими тканями (мозг, серце, легкие). Художника „накрыли“ с топором. Упразднившим любое содержание. Раскольников перед металлодетектором. Это не клинический или полицейский снимок – это (дополнительно) обрамленный парадный автопортрет. (4)

Беременные слова развивают свою пружинистую, гибкотелую, убийственную энергию, венчая свои внутренние смыслы, одевая их и раздевая, сливая воедино исполнителей и действия, действия и последствия, последствия и потаенные страхи/ желания. Художник способен предугадать будущее (вспомним его „снайперский рисунок“ Олимпийские игры с огнем, предваривший сараевскую олимпиаду).

Мейеутической чтицей-повитухою надобно перепеленать «новорожденных» из бахчаняновских словес в (интересном) положении, тренируясь в «теории и практике относительности“.

Беременное слово чистильщик (вспоминается серапионовское здравствуй, брат, писать трудно) подсказывает нам, что это вовсе не автоматическое письмо, а старательная деконструкция, разьятие реальности. ВБ дает определение стиля как трудоемкой отточенности. Похоже, это программная лексема.

Итак, большинство жирно намеченных подслов (внутри щупленьких родительских надслов) обладает единим стилем - принадлежа темному (dark humor) регистру: сметана, крестоносец, игротека, автострада, поместье, радио, автопортрет, литография, декольте, целомудрие, урожай, скворец, чернорабочий, коневодство, руководитель, укротитель, селедка, туловище, дикобраз, журнал, телевизор, епископ, жаворонок, бинокль, лесоруб, шезлонг, куколка, поминание, свобода, козерог, агробиология, легенда, таракан, демонстрация.

Клюют, долбят свою раму, в поисках лазейки. Вроде того коллажного дятла (5), который согласно древнерусскому физиологу есть „пестрая птица, живет она в горах, садится на кедры и стучит своим клювом. А где найдет мягкое дерево, там делает себе гнездо. Так и дьявол борется с людьми. И когда в ком-то найдет слабость и пренебрежение к молитвам, то войдет в него и угнездится. Если же в другом найдет крепость, то бежит от него».

В подоплеке этих наполовину разгаданных ребусов кроются наполовину спрятанные (закаббаленные) хандра и сплин. Брачуя классическое с неклассическим, эти микроэссэ сплетают пафос с батосом: ничего нового под небесами.Антиэтимологические корни и их аграмматические „последки“ отодвигают границы языка как орудия сознания. Делается это травестийно, с помощью секрета полишинеля. Закон (прочтения) не совпадает с (его же) благодатию – перед нами горько иронический концептуальный лексикон, где концепция понимается именно как зачатие. У нас всплывает в памяти Всеобщая придворная грамматика сатирика Дениса Ивановича Фонвизина, обыгравшего части речи, как поведенческие образцы екатерининских царедворцев(лета 1786-ого). Чем не предок? Перекраивая словоразделы, пуская в ход барочное трюкачество и уйму происков, каверз и козней, художник бесхозно занимается контрабандой захваченных им смыслов.

Отыскать щи в слове женщина унизительно, это дает знать, что ее должность стряпать, не будучи настоящим собеседником.

Однако, не совсем ясно, критика ли это, или хвала. Все зависит от того, как почкуется слово щи внутри лона данной женщины. Толкование открыто и для других возможностей. Кроме метонимии, есть и метафора. Всякие там денотации и конотации. Может, здесь налицо положительное отождествление? Спасительный минимализм, изысканная простота.Потерпевший караблекрушениеточно мечтает о щах, но то же самое делал и Пушкин („Мои желания — покой/да щей горшок, да сам большой», Отрывки из путешествия Онегина). Сама себе хозяйка? Живет в достатке и ни от кого не зависит?

То же самое в слове крестоносец – явствует полемический смысл культурологического порядка. Носили ведь крест во имя страждущих, но и причиняя боль, предпринимая насильственное крещение, зажигая костры инквизиции... Не без остроумного дублета – епископ.

В беременном слове декольте – налицо примыкание противоположных начал, инь и янь Алеко и Земфиры, Рогожина и Настасьи Филипповны. Убивающее, убиваемое декольте – два встречных выстрела на диком западе человеческихстрастей. Декольте разоружает наподобие кольту, нацеленному в висок.

А что нам делать с беременным словом жаворонок? В жизнерадостной пичуге кроется зловеще каркающий ворон. Изящное тоже надоедает. Настоящее (лицо) кроется под личиной. Волк в овечьей шкуре. Цель оправдывает средства.

В лоне же слова эмиграция мерцаетсамая магнетическая из приманок – игра. А ее ведь можно и проиграть.

В недрах моего любимого Крысолова находится ничто иное как – соло... (2;70) Про такого же Крысолова вещает легенда из Гаммельна, про него писала Марина Цветаева в своей одноименной эмигрантской поэме. Художник с легкостью уводит за собой кого угодно, каждому посулив то, чего он желает. Может, книга Вагрича Бахчаняна Мух уйма намекает на сходный сюжет, сходного лова... Еемузыка — жестокая ивсесильная, гудит себе, губя и спасая. (6)

Источники:

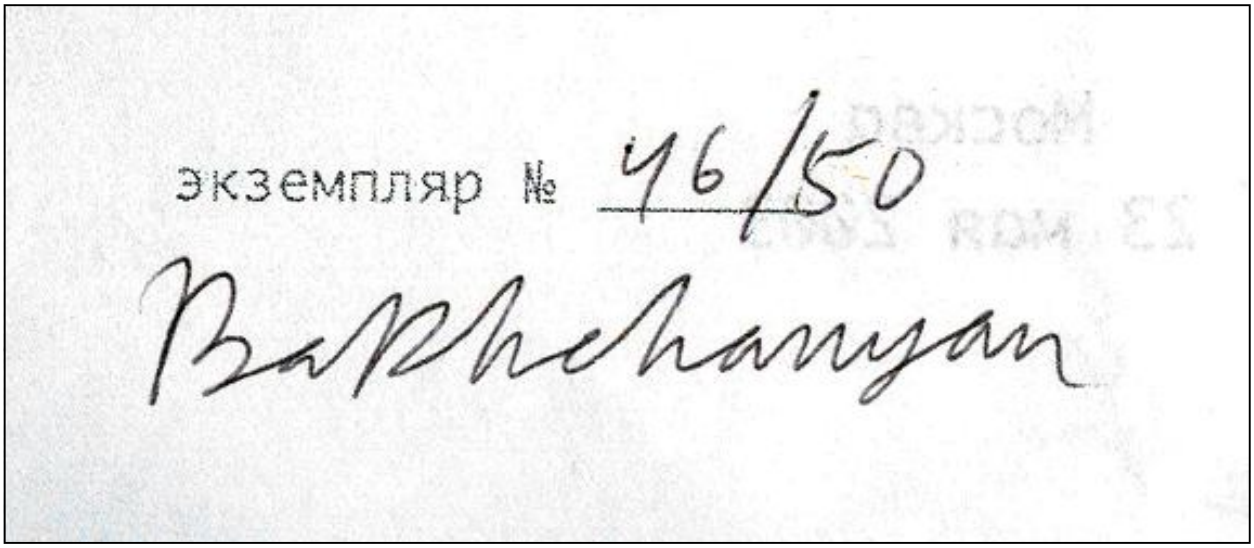
1.Бахчанян, В., Ни дня без строчки (Отчет об эмигрантскй жизни) 1974-2003Государственныйцентр современного искусства, Москва, 2003

2. Бахчанян, В., Мух уйма, художества ,У-Фактория, Екатеринбург, 2003

3. Физиолог. Слово и сказание о зверях и птицах, http://old-ru.ru/04-14.html

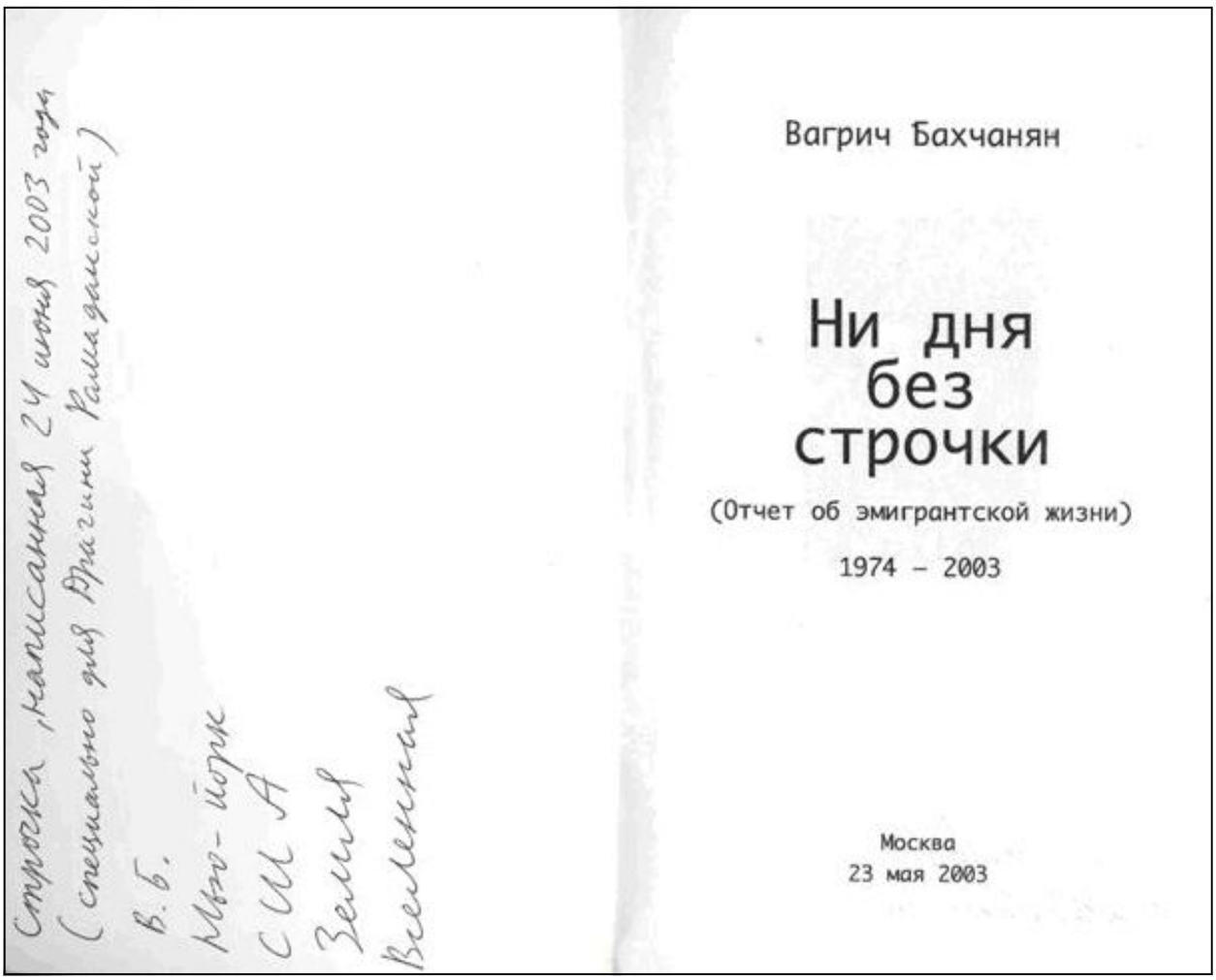
Приложения:

1.


экземпляр № 46/50

Вагрич Бахчанян

2.


Строка, написанная 24 июня 2003 года (специально для Драгини Рамадански)

В. Б.
Нью-Йорк
США
Земля
Вселенная

Вагрич Бахчанян

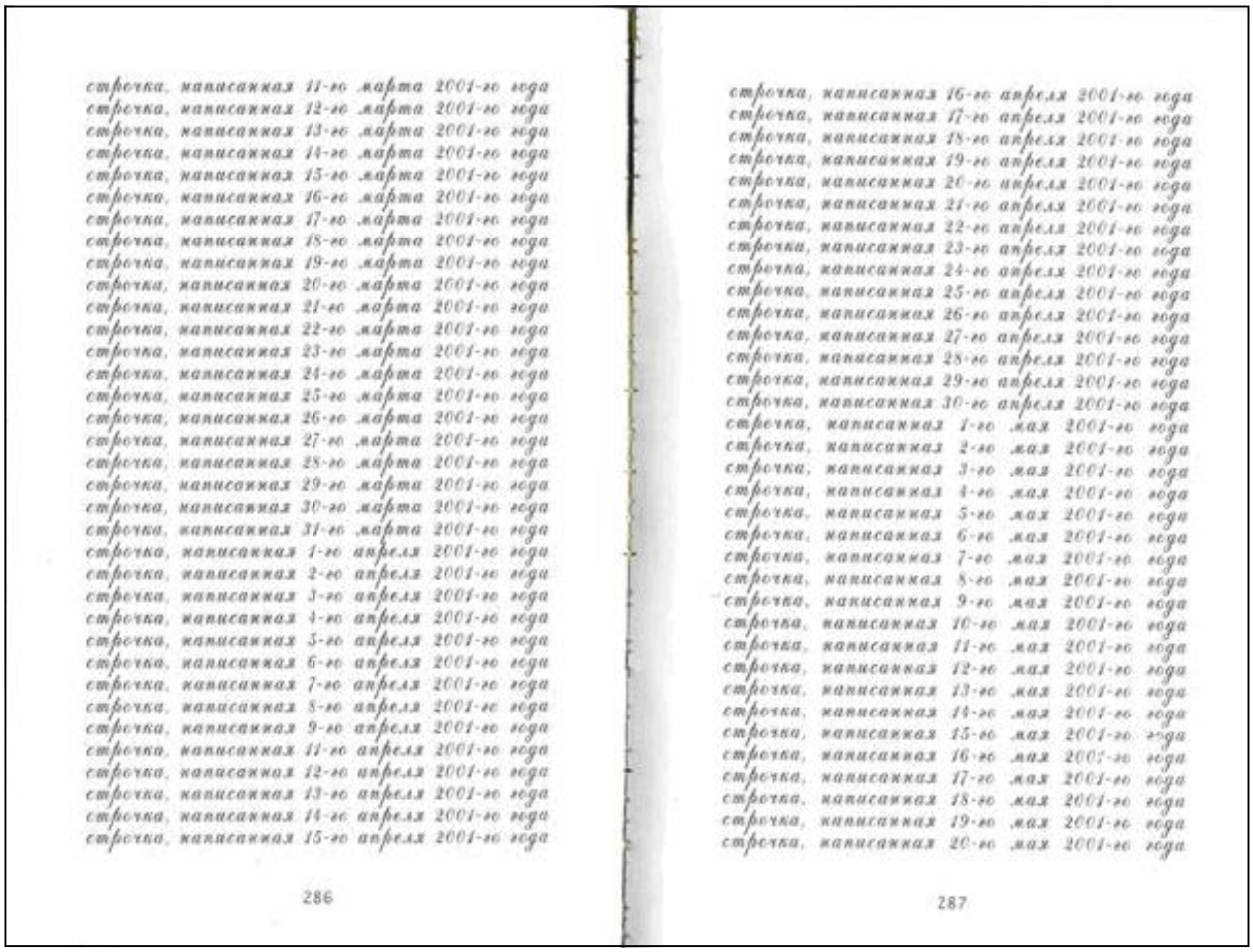
Ни дня без строчки

(Отчет об эмигрантской жизни)

1974 – 2003

Москва
23 мая 2003

3.



строчка, написанная 11-го марта 2001-го года
строчка, написанная 12-го марта 2001-го года
строчка, написанная 13-го марта 2001-го года
строчка, написанная 14-го марта 2001-го года
строчка, написанная 15-го марта 2001-го года
строчка, написанная 16-го марта 2001-го года
строчка, написанная 17-го марта 2001-го года
строчка, написанная 18-го марта 2001-го года
строчка, написанная 19-го марта 2001-го года
строчка, написанная 20-го марта 2001-го года
строчка, написанная 21-го марта 2001-го года
строчка, написанная 22-го марта 2001-го года
строчка, написанная 23-го марта 2001-го года
строчка, написанная 24-го марта 2001-го года
строчка, написанная 25-го марта 2001-го года
строчка, написанная 26-го марта 2001-го года
строчка, написанная 27-го марта 2001-го года
строчка, написанная 28-го марта 2001-го года
строчка, написанная 29-го марта 2001-го года
строчка, написанная 30-го марта 2001-го года
строчка, написанная 31-го марта 2001-го года
строчка, написанная 1-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 2-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 3-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 4-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 5-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 6-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 7-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 8-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 9-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 11-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 12-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 13-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 14-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 15-го апреля 2001-го года

286

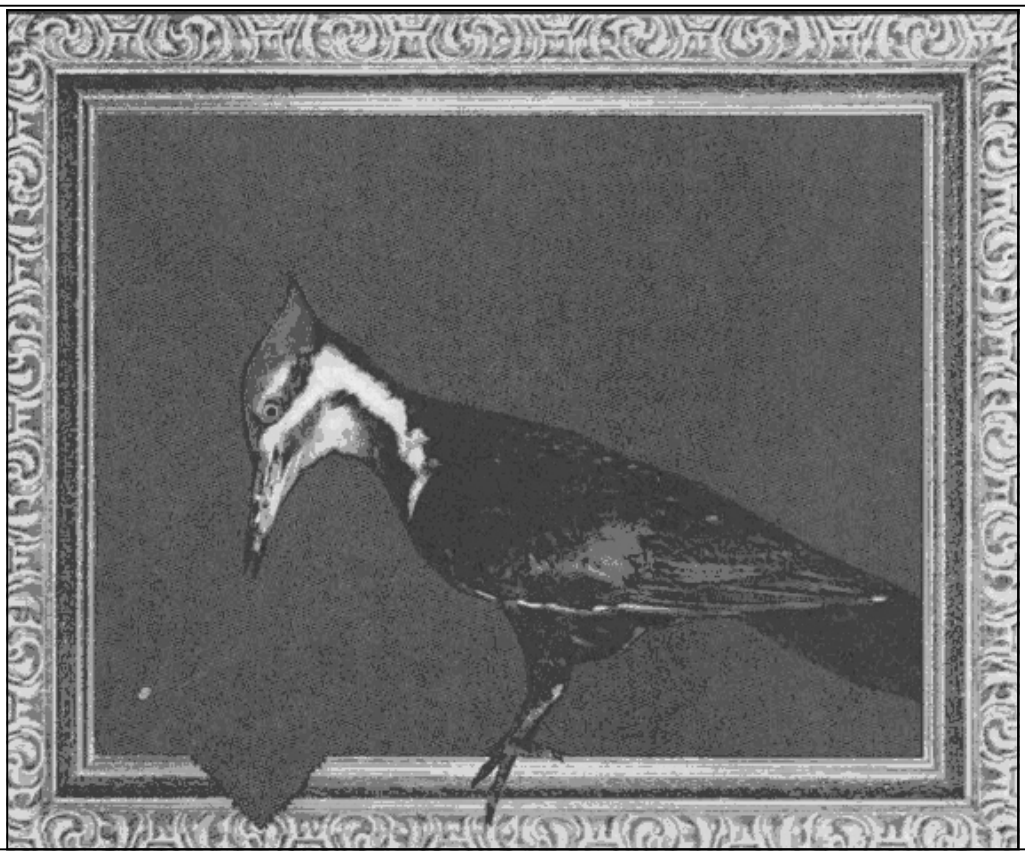
строчка, написанная 16-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 17-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 18-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 19-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 20-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 21-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 22-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 23-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 24-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 25-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 26-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 27-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 28-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 29-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 30-го апреля 2001-го года
строчка, написанная 1-го мая 2001-го года
строчка, написанная 2-го мая 2001-го года
строчка, написанная 3-го мая 2001-го года
строчка, написанная 4-го мая 2001-го года
строчка, написанная 5-го мая 2001-го года
строчка, написанная 6-го мая 2001-го года
строчка, написанная 7-го мая 2001-го года
строчка, написанная 8-го мая 2001-го года
строчка, написанная 9-го мая 2001-го года
строчка, написанная 10-го мая 2001-го года
строчка, написанная 11-го мая 2001-го года
строчка, написанная 12-го мая 2001-го года
строчка, написанная 13-го мая 2001-го года
строчка, написанная 14-го мая 2001-го года
строчка, написанная 15-го мая 2001-го года
строчка, написанная 16-го мая 2001-го года
строчка, написанная 17-го мая 2001-го года
строчка, написанная 18-го мая 2001-го года
строчка, написанная 19-го мая 2001-го года
строчка, написанная 20-го мая 2001-го года

287

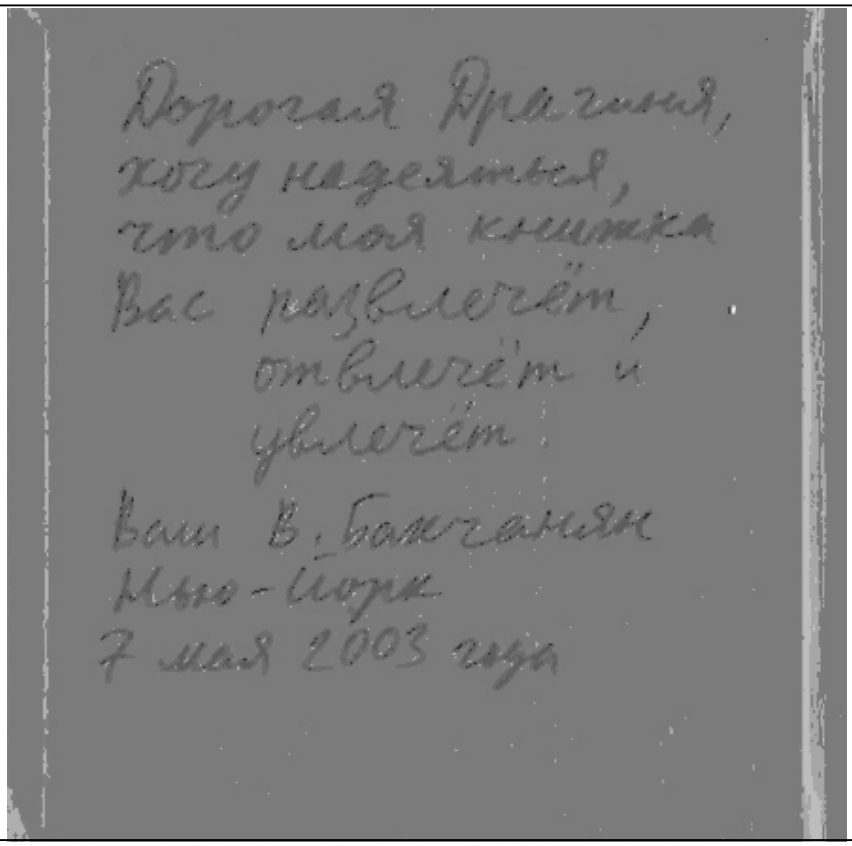
4.

Ав**топор**трет

5.



5.


Дорогая Драгиня,
хочу надеяться,
что моя книжка
Вас развлечёт,
отвлечёт и
увлечёт.
Ваш В. Бакчанян
Нью-Йорк
7 мая 2003 года

ГЛЕБ КОЛОМИЕЦ

Улыбка буржуа

Долгое время я не мог толком определить свое отношение к среднему классу. С одной стороны, меня возмущал эгоцентризм мелких буржуа, их совершенно безосновательное высокомерие по отношению к тем, кто не смог или не захотел стать обеспеченным бездельником, и в особенности преданность, с которой они служат высшему классу. С другой стороны, хорошо ведь, что хоть кто-то имеет доступ к настоящему образованию, защищен от многих социальных бедствий, свободно перемещается по всему миру, транслирует ценности высокой культуры… Недавно я посмотрел фильм «Крепкий сон» (режиссер Жауме Балагуэро, сценарист Альберто Марини, 2011), который помог мне углубить мое восприятие среднего класса.

В двух словах перескажу сюжет фильма. Сезар работает швейцаром в многоквартирном доме, населенном представителями среднего класса. Сезара терзает ощущение исчерпанности; его внутренняя жизнь, словно маятник или метроном, колеблется между истерикой и депрессией, отсчитывая секунды, минуты, часы и дни, заполненные безысходностью. Единственное, что удерживает его от самоубийства – ненависть к людям, проецируемая, прежде всего, на жильцов дома. Сезар по мере сил пакостит им: устраивает засоры в трубах, подкармливает породистых собак «нездоровой» пищей, не поливает цветы... Рядового жильца довольно легко «вывести из строя» – маленькое несварение у любимой собачки может привести его в отчаяние (а Сераза – в бодрое расположение духа). Но есть в доме и «крепкий орешек», Клара, буржуазная девушка, которая всегда улыбается. Нет, она не идиотка, просто ей не о чем печалиться. Она молода, красива, здорова, обеспечена, её жизнь полна перспектив. И она поднимает из глубин души Сезара острую, испепеляющую ненависть. И он начинает крупномасштабные боевые действия для того, чтобы «стереть улыбку с её лица».

Уже в сюжетном плане фильма заложена очень важная, на мой взгляд, идея о том, что богатый и бедный не только живут в разных материальных условиях, но и существуют (экзтстируют) поразному. Действительно, войти в привилегированный класс – значит, попасть в особое экзистенциальное состояние, потерять страх перед жизнью и ощутить реальность как послушную, прирученную, безопасную, сделать мир обжитым пространством, приспособленным для игр, веселья, развлечений (недаром мелкобуржуазные исследователи постмодернизма так агрессивно педалируют, в общем-то побочную тему игры и иронии). Высокие доходы и статус – лишь средства к достижению этого экзистенциального состояния. Человек, обладающий деньгами, но не умеющий веселиться, никогда не станет в среде буржуа «своим», ведь для того, чтобы влиться привилегированный класс, надо уметь вечно оставаться ребенком.

Во всяком случае, мой опыт общения с буржуа показывает, что им присущ просто ужасающий инфантилизм, и, кстати, специфическая «детская» жестокость: ради интереса оторвать крылья жуку, одеть кошечку в забавный костюмчик, пририсовать грудному ребенку гитлеровские усы – все это забавляет нашу буржуазию в зрелости, и даже в глубокой старости. Им всё смешно! Нищета, болезни, нравственное разложение, алкоголизм, одиночество, заброшенность – это всего лишь игрушечные монстры в детской комнате буржуа; они приятно щекочут нервы, но никогда не пугают по-настоящему.

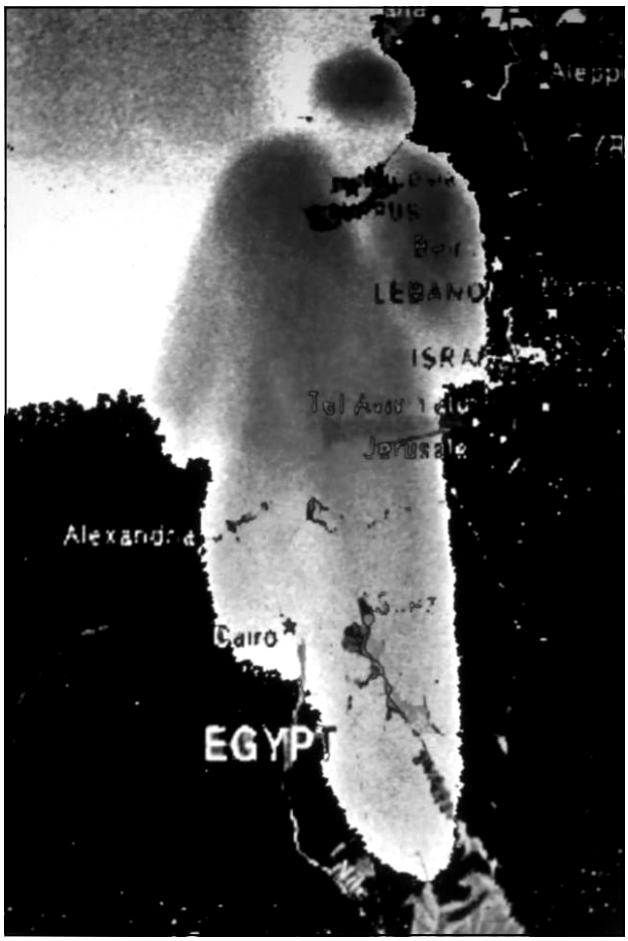
Глядя на буржуа, мы лишний раз убеждаемся в том, что наше счастье (в выходной день запереть дверь на все замки и усесться за компьютером или перед телевизором с бутылочкой холодного пивка в руках) - это пародия на счастье, что наша жизнь (молчание перед лицом тех, кто сильнее нас) - это пародия на жизнь, что наши требования (смиренные просьбы) справедливости и равных возможностей для всех смехотворны, как плюшевая игрушка с антипутинским лозунгом в руках). Мы знаем, что обречены, но зачем лишний раз напоминать об этом? Это невольное напоминание об объективном убожестве жизни бедняка становится искрой, от которой разгорается пламя классового конфликта экзистенциальных состояний. Улыбка буржуа, как острый кинжал ранит человека, пожизненно приговоренного к бессмысленному и тяжелому труду, не приносящему ни радости, ни каких-либо ощутимых результатов. Глядя на беспечную игру креаклов, бедняк думает: «они отобрали у меня способность быть счастливым» (вернее, он думает: «Вот б… п…сы суки е… х…ы б…!», но идея уже выкристаллизовалась в

его бессознательном). Его зависть и бессильную злобу вызывают не деньги и статус, а счастье.

Именно поэтому война, показанная в фильме «Крепкий сон» – это священная война, война за счастье, или, вернее, против украденного счастья. Претензии Сезара к Кларе и другим жильцам дома носят глубоко моральный характер. В сущности, постановка вопроса такова: можно ли смеяться над калеками? Можно ли устаивать бал-маскарад на поле боя, среди раненных и мертвецов? Можно ли играть в чехарду у постели парализованного, покрытого пролежнями старика? Эти вопросы беспокоят Сезара, когда он решается пойти до конца в борьбе против Клары. Он знает, что у него нет и не может быть союзников; люди ведь думают, что радость и позитив – это добро, а угрюмость и депрессия – это зло, и что фильм «Крепкий сон» повествует о нехорошем и жалком человеке, который извлекает примитивное удовольствие живодера из страдания окружающих.

Сезар мыслит как настоящий философ: он понимает, что одиночка в мире, где невозможна и не нужна коллективная борьба за нематериальные ценности (такие, как счастье и самоуважение, например), может действовать, только оставаясь неразличимым: если он надолго задержится в фокусе внимания закона или хотя бы своего работодателя, это быстро приведет к тотальному краху. Сезар развязывает сетевую войну против Клары, серию тихих и незаметных – а главное, анонимных – диверсий.

В схватке с Кларой победа невозможна; возможно лишь поражение противника. Показать глупой девчонке, что жизнь – не игра, разве это победа? Но Сезар готов рискнуть ради утверждения реальности на детской площадке буржуазии. Он мстит не за рабочий класс, он мстит ЗА СЕБЯ, за свою жизнь, безнадежно исковерканную несправедливостью, поэтому он и занимает столь жесткую, радикальную и принципиальную позицию. Поэтому в его борьбе торжество реальности сливается с торжеством справедливости.



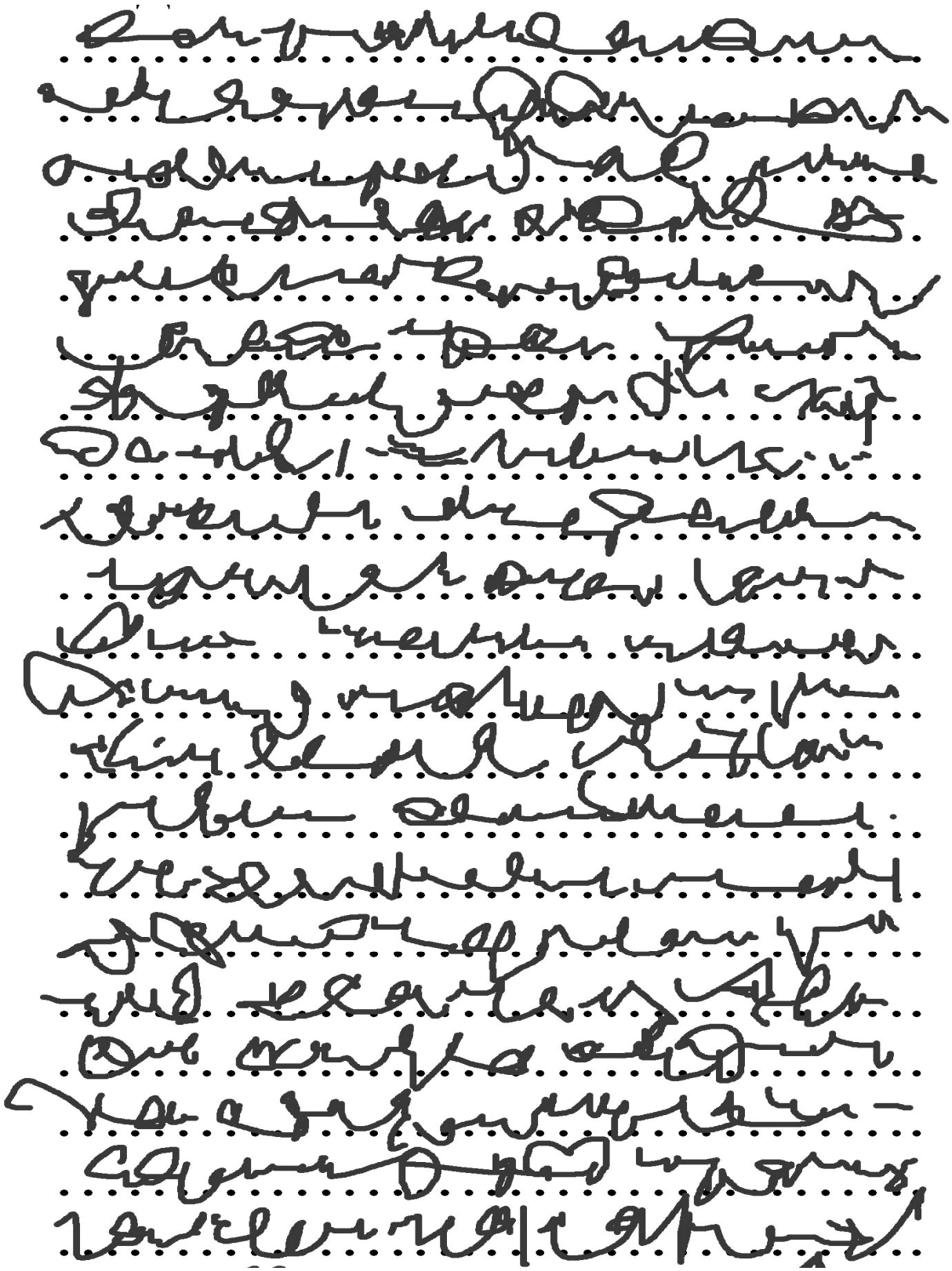
Агам Андреас. Белый араб стал голубым
Agam Andreas. The white Arab turned blue

Итак, фильм «Крепкий сон» дает набросок новой формы классовой борьбы. Потерпев крах в пространстве политики и гражданского общества, она перемещается в тонкую сферу межличностных контактов, она больше не охватывает крупные общественные конгломераты, становясь просто выяснением отношений двух конкретных людей, один из которых по праву рождения получил социальные привилегии, а другой – страх перед жизнью и отсутствие перспектив. Ни деньги, ни статус, ни вопросы права больше не играют никакой роли, важно только отобрать счастье у человека, который извлек его из вопиющей несправедливости, на которой основывается общество. В случае «победы» бедняка происходит экзистенциальный переворот – буржуа несчастлив, невзирая на все свои блага, а бедняк счастлив вопреки нищете и бесправию. Невозможность компромиссного исхода обусловлена тем, что счастье – неделимый феномен. Но мне кажется, что экзистенциальный переворот все-таки справедлив и гуманен, поскольку счастье может сделать безысходность переносимой, а блага могут сделать переносимым его отсутствие.

Самый удивительный аспект борьбы экзистенциальных состояний – то, что человек вовлекается в неё бессознательно. Неотрефлексированные чувства истощающей фрустрации, злобной зависти (в этом пункте можно провести параллель с ресентиментом Ф. Ницше), обиды, весь комплекс переживаний, которые вызывает несправедливость, формируют социальный профиль индивида и делают его агентом социальной борьбы, от которой он не может отказаться просто потому, что не подозревает о своем участии в ней. Классовая борьба приходит к человеку, как сила внешняя по отношению к его эго, как инстинкт противостояния «злу».

Однако, социальные силы и частные лица, выступающие на стороне Власти, делают все для того, чтобы не дать борьбе экзистенциальных состояний перейти в измерение сознания (ведь идеология экзистенциального конфликта может стать основанием для проявления солидарности угнетенных и их кооперации). Поэтому героя фильма можно считать счастливчиком, который, обладая крайне развитым реалистическим чувством, выскользнул из цепкой хватки идеологии и пропаганды. Сезар – это человек, который отключился от «матрицы» общественного сознания и увидел мир таким, какой он есть – жестоким и безрадостным. В этом и состоит трагическое одиночество героя-вредителя, революционера-одиночки. Но все-таки, в подавляющем большинстве случаев человек обречен на бессознательную борьбу с социальным неравенством (вспомним, что критики движения «Occupy» указывали, прежде всего, на отсутствие у протестующих внятной программы). Поэтому, вполне возможно, что многие общества по всему миру уже (давно?) охвачены экзистенциальным конфликтом. Есть вероятность, что, проследив его узоры, мы сможем не только узнать что-то новое о логике истории, но также и разглядеть в них зачатки нового общества.

Переводы



ДЖЕЙСОН К.

Отрывок из романа «МЫ / РЕПТИЛИИ / ПОЛЗАЕМ»

Перевод с английского *Олега Разумовского*
В качестве иллюстраций использованы работы
Светы Литвак

...здесь нет ничего святого...

Мгновенная вспышка огня и дымок. Краткий миг. Я держу в руке горящую спичку, зажав её двумя пальцами, и смотрю, как она горит. Огонёк танцует, словно балерина, исполняющая экзотический танец. И через мгновение бросаю её. Эта крохотная спичка, которая только что была у меня в руке, породила страсть, желание, жар, пыл, возбуждение. Сгорело всё, что мы знали, всё, что было наше, всё, что напоминало мне о ней. Наблюдая за тем, как всё это горит, превращаясь в чёрный тонкий дымок, исчезающий в ночном небе, я видел её, охваченную пламенем, умоляющую меня погасить огонь. Она плачет, воет. Проси, родная, проси. Ничего у тебя не выйдет.

Я смеюсь, когда пламя лижет моё лицо, как грязная шлюха, яростно и горячо, униженно и неприлично. Я смотрю на пожар. Какой длинный и трудный день. Мне кажется, она стоит в огне. Дым поднимается к небесам, а она плачет и умоляет. Это дерьмо всё ещё горело, когда я, наконец, вышел из транса. Вернулся в свою паршивую квартиру, прихватил несколько вещичек и на минуту замер, прислушиваясь к прекрасному вою сирен пожарных машин, мчящихся по Мейн стрит в надежде погасить то, что мы когда-то называли "наш дом". "Пошли все на хуй,"- подумал я вслух. Вынул из кармана мешочек, вскрыл его его и высыпал содержимое на журнальный столик. "Этой ночью я умру",- произнёс я. Разложил порошёк на три одинаковые линии, свернул долларовую бумажку и дунул все сразу. Сирены приближались, и я понимал, что мне пора убираться отсюда. Я благополучно нырнул в темноту, завёл свой старенький мотоцикл и пропал в ночи, словно призрак.

Вся моя жизнь - борьба. Одна битва за другой. Я вечно конфликтовал с отцом, сражался с зависимостью от алкоголя и наркотиков, воевал с женщинами. Я вырос в пригороде, в десяти милях от Филаделфии. Мои родители были бедные служащие и алкаши, которым я обязан лишь ежедневными побоями. Я только и слышал что ругань, ел противную овсянку и дрался на Рождество. Помню, как однажды отец выкинул наряженную ёлку на крыльцо прямо через парадную дверь. Моё день рождения никогда не отмечалось. Ни разу. Отец был вечно пьян и почти не работал. И хотя он регулярно бил мать, она вечерами сидела у его кровати и пела печальные песни в стиле кантри. Она была такая же ебанутая, как и отец. Иногда я ложился спать голодный, а у них постоянно имелись сигареты и дешёвое пойло. Но ко всему привыкаешь. Ночью я залезал под одеяло, в животе бурчало. Я слышал, как родители ругаются из-за какой-то хуйни или ебутся. Я молился, чтобы мой старик нашёл работу и стал нормальным, как отцы моих друзей. Но он поработает неделю другую, а потом находит какою-то дешёвую отмазку, типа "босс всё делает неправильно. Не могу горбатиться на этого придурка." Мне было смешно слышать такое, и от этого я ненавидел его ещё больше.

Мне было пятнадцать, когда я бросил школу. Я начал пить и принимать наркотики. Нюхал, курил и глотал всё, что мог достать. В шестнадцать лет я ушёл из дома. Жил у друзей, в приютах и гостиницах. Если вы спросите кого-то, кто знал меня в те дни, вам скажут, что я был каким-то бездушным мрачным похуистом. Когда я первый раз нюхнул кокаину, это было классно. Тогда его называли белой магией. С тех пор я заторчал. Я продал всё, что у меня имелось, только бы быть под кайфом. В итоге у меня кончились деньги, и мне пришлось пополнить ряды рабочего класса. Работяги постоянно в долгу. Даже после смерти вам приходится платить за свои похороны. Я отлично помню свою первую работу. Летнее солнце грело мне шею, жаркий июль был в разгаре. Я работал в бригаде с неговорящими по английски грязными мексикашками. Мы стригли газоны. Я был чайником, и эти черти насмехались надо мной.

Вскоре, однако, я обвыкся и стал таким же работягой, как другие. Пьянствовал вечерами и проклинал американское праивительство. Меня злил отец, который говорил, что я должен стать полезным членом общества. А он сам кто такой? У меня были друзья, изгои вроде меня. Как-то вечером мы нашли одно место, где собирались пригородные лузеры, придурки и дегенераты, чтобы хоть на время уйти от проклятой реальности. Я понял, что агрессия, чистота и энергетика панка и хардкора действуют на меня успокаивающе. В моей жизни появился новый смысл.

Я ощутил суть братства. Теперь у меня появилась новая зависимость. Мы с друзьями придуривались, посещали местные андеграундные сейшены, дрались и самоутверждались. В школе я был никто, а здесь, тусуясь с пацанами, ощущал себя личностью. В понедельник грязные мексикашки видели меня с разбитой губой или синяком под глазом и смеялись надо мной. Они думали, что меня избили и ограбили. Они и не подозревали, что я становлюсь другим человеком. Этого им не дано было понять.

В восемнадцать лет я впервые полизал пизду и это стало ещё одной моей зависимостью. Я и раньше ебал баб, но никогда не делал им кунилингис. Такое занятие расширило горизонты моей сексуальности. И вот как-то утром, страдая с похмела от страшной головной боли, я обнаружил на моём матрассе большое красное пятно, а в унитазе плавал, словно дохлая мышь, окровавленный тампон. Взглянув на себя в зеркало, я увидел алое кольцо вокруг рта, означающее, что я лизал менструальную пизду. Тогда я ворвался в ванную, словно торнадо, и пинками выгнал эту сучку. Больше я её не видел.

Пять или шесть лет прошли в алкогольном и наркотическом тумане-дурмане. К этому времени мне пять раз ломали нос, я сломал три ребра, меня били по голове бутылкой шампанского, зашивали раз несколько, однажды я попал в серьёзную автокатастрофу, а в вытрезвителе побывал несчётное количество раз. Я устраивался на работу и быстро терял её, потому что не мог встать утром после кокаиновой ночи. Я тусил с разным хулиганьём до пяти утра, а на работу надо было к семи. Как любид повторять один мой друган: "нам бы только шароёбиться." На работе я придумывал разные отмазки: говорил, что заболел или что у меня умер родственник. Я этому научился от отца, хоть что-то полезное он мне дал. Я катил колёса и запивал их дешёвой водкой. В итоге меня всё равно увольняли. Но мне уже было по хую.

Девушки приходили и уходили, равно как обиды и чувство одиночества. Я переезжал жить к какой-нибудь сучке, но после нескольких месяцев моих циркачеств, я ей надоедал, и она выбрасывала меня на улицу. Всё начиналось сначала. Безденежье и одиночество. И только когда я встретил Сару, всё стало меняться. Нет, я жил прежней жизнью: попадал в разные передряги, дрался и залетал в участок. Я жил стремительно и надеялся умереть молодым. Я обитал у моего другана Криса, когда впервые увидел её. Она была высокая стройная блондинка с таким острым умом, что могла разрезать пополам любого чувака. Сара приходила со своей блядовитой подружкой, и мы устраивали дикие вечеринки с коксом. Чудесное было время.

Шесть месяцев пронеслись как торнадо, и мы с Сарой сняли жильё. Всё было классно. Нет ничего лучше настоящей любви в самом начале. Я делал для неё всё и даже начал исправляться. Встал на путь истинный. Мы нашли домик в конце небольшой улочки, и я пошёл работать на стройку, где хорошо платили. Сара ни в чём не нуждалась. Но однажды я заметил, что она теряет ко мне интерес. Ей нужно было двигаться дальше и охотиться, как леопарду в Конго. Я её так и не приручил. Такая уж она была. Дикая натура. Наши отношения стали портиться. Наконец, она заявила, что с неё хватит, всё кончено, собирай, мол, вещички и уёбывай.

После этого я впал в такую депрессию, что целыми днями не вставал с кровати. Гнал линии, выпивал бутылку виски зараз, только чтоб полегчало. Подумывал даже о самоубийстве. Жизнь рушилась. А тут ещё я узнал, что Сара ебётся с моим лучшим другом. Вот тогда я и поджёг "наш дом" вместе с ней.

Говорят, что часть вас типо умирает, когда вы теряете дорогого вам человека. Нет, той ночью ничего во мне не умерло. Напротив я стал сильнее. Кончилась её жизнь, а моя только началась.

Часть первая

Я выглянул в окно моего вонючего номера. Не знаю, пахла ли постель, или запах шёл от меня, только воняло по страшной силе. Несло какой-то протухшей жратвой, шлюхами и наркотиками вмеремешку с блевотиной и кислым пивом. У меня имелось пол упаковки баночного пива и несколько мешочков кокаина.

Я вышел на улицу этого безымянного поганого города, который мне нужно как-то покинуть. Чем дальше я углублялся в тёмный пустынный лабиринт, тем больше возможностей мне представлялось. Здесь я мог легко достать всё, что хотел. Крэк, кокаин, траву... всё что угодно. Винные магазины полны спиртным. Они на каждом углу. Я всматривался в несчастные лица редких прохожих. Но это же не гетто. С другой стороны, может быть, как раз и оно, просто не такое к каким я привык в Нью-Йорке или Феладельфии.

Короче, я погряз в утробе ада. Отчаянье овладевало мной. Нужно было вернуться в номер, но как же лёд? Мне нужен лёд. Ради этого я и вышел на улицу. Я свернул за угол и увидел такую намазанную шлюху, что меня чуть не вырвало.

- Эй, ты знаешь, где здесь можно раздобыть льда?

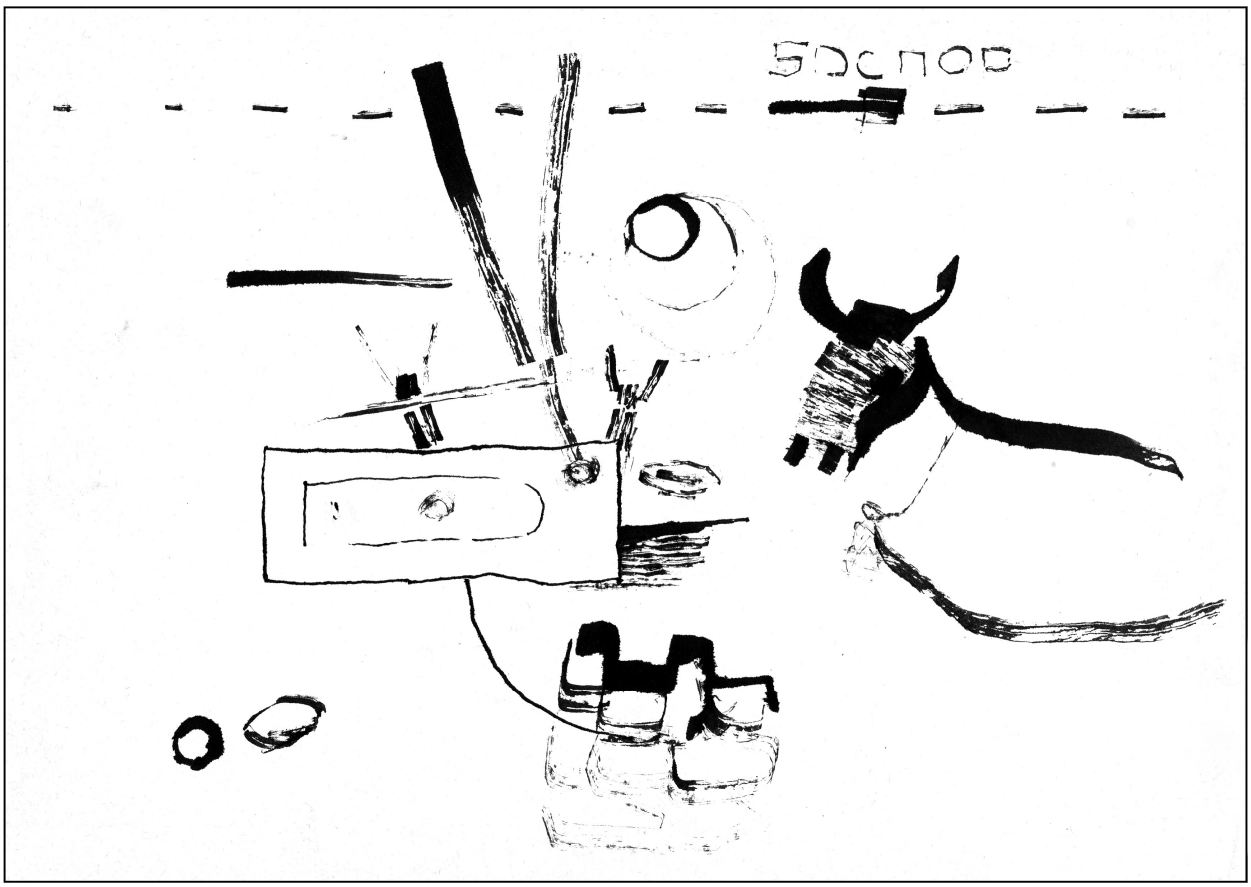
- Пять доларов.

- За что, ёб твою мать?

- Я провожу тебя к ice-machine.

- Чёрт возьми, мне не нужна экскурсия по этому городишку. Я уже на него насмотрелся.

Я резко повернулся и углубился в этот проклятый адский лабиринт. "Как такое могло случиться? Как я



мог заблудиться в этой дыре?" Одно было ясно, я возвращался не той дорогой, по которой пришёл. Вдруг я споткнулся и слегка задел стену. Оглянулся - не смотрит ли кто на меня. И увидел её. Красавица полная льда. Наконец-то.

Я каким-то образом нашёл дорогу назад. У входа в гостиницу стояла шлюха. Здесь их было, как собак нерезанных. Я подошёл к ней с ведёрком полным льда и спросил, не хочет ли она принять участие в вечеринке. С океана дул прохладный ветерок. Пахло солёной водой. Я очень хотел спросить шлюху, как ей здесь живётся, однако, прикинул, что ответа не получу. Как обычно.

Она была длинная и очень худая. На ногах красные туфли на высоких каблуках. Я шёл за ней, глядел на её великолепный зад и воображал, будто нюхаю линии кокаина с такой классной жопы. Я представлял себе, что выебу её так жёстко, что она потом будет ходить несколько дней как пингвин. Шлюха повернулась и спросила с улыбкой, в каком номере я остановился. А мне уже срочно была нужна новая доза, так как кумар ебал не по детски. Меня почему-то стала раздрожать эта дешёвая шкура. Может, как следствие употребления порошка, а, возможно, как следсвие недоупотребления. При кумаре трудно сказать с точностью на все сто. Одно было ясно - я не хотел опять спать ночью один. В голове свербила мысль: "ты не уснёшь до утра или даже до полудня."

- Ты мне не нравишься, - сказал я ей.
- Мне наплевать, - ответила она.

Мы подошли к двери моего номера. Мне нужно было срочно нюхнуть. Как только вошли, я начал быстро нарезать линии. Она открыла пиво и протянула мне банку, потом открыла другую для себя. Я нюхнул и попросил её поставить пивные банки в ведёрко со льдом. Мне видились волны, бьющиеся о скалы, стаи морских уток, крабы, мидии. Я хотел чтобы волны вымыли сердце из моей груди и искупали его в морской воде.

Её лицо напоминало мне комковатую подушку, на которой я спал, когда был маленький. Грязную и старую. Она начала говорить о своей проёбаной жизни и её зрачки расширились. Кокаин действовал на нас обоих. Было четыре часа утра. Я поцеловал её. Она отстранилась.

- Я не целуюсь, - сказала шлюха, - но сосу хуй и лижу жопу. Зовут меня Синди.
- Очаровательно.
- Так что ты хочешь? - спросила она.
- Я хочу узнать тебя поближе.
- Ты же сказал, что я тебе не нравлюсь.
- Так и есть. Ты мразь. Расскажи мне историю.

Я пустил ещё одну линию и выпил пива, а она начала свой рассказ о своём любовнике, которого она обожала, а он, вместо того чтобы, как она выразилась, страстно заниматься с ней любовью, дрочил на порнуху. Да если бы у меня была девка с такой рожей, я бы делал то же самое. Я спросил, могу ли я заняться с ней любовью. Она осведомилась о наличии у меня тридцати долларов. Я дал положительный ответ. После этого набросился на комкова-

тую подушку и стал целовать её в шею и грудь. Я обращался с ней очень нежно, и шлюха сказала, что она не какой-нибудь ёбаный цветок. Давай, мол, засоди мне по-настоящему и покончим с этим делом. Я ответил, что хотел бы, но не могу. От этих наркотиков у меня не стоит и тут уж ничего не поделаешь. Я схватил банку с пивом и некоторое время просто смотрел на проститутку и восхищался ею. Бывает же - на морду она страшновата, но тело просто прекрасное.

Не знаю почему, но некоторые женщины кажутся мне привлекательными, хотя на самом деле им место в зоопарке. Причём чем сильнее на меня действовали наркотики, и чем больше я дурел от алкоголя, тем красивее она мне казалась. Я видел красоту невидимую миру. Шрамы, раны, которые никогда не заживут. За ней постоянно следовала грозовая туча, из которой порой прямо ей на голову извергался ливень. У неё не было никаких надежд на будущее. Я с грустью смотрел, как она нюхает эту беду, которая ещё больше ломает её. Но почему, думал я, почему так? При определённом свете её лицо напоминало мне искорёженный автомобиль, нуждающийся в срочном ремонте. Она как бы ждала, что кто-то придёт и спасёт её. Вырвет из этой проклятой жизни. Но она изгой, которого уже никто не спасёт.

Я проснулся голый и потный, как бегун-марафонец. На подушке и на моей роже блевотина. Сколько же сейчас времени? Я взглянул на стандартный часы с будильником, которые стоят на столиках во всех гостиницах, и они показывали пол четвёртого дня. "Господи, как я мог проспать весь день?" Я был один в номере. Болела голова, во рту вата, зрение упало. Синди исчезла. Нет ни наркоты, ни пойла. Только пиво осталось. Тёплое, кислое, дешёвое пиво. Я встал с кровати, осмотрелся, потянулся, почесал яйца, взял банку и открыл её.

Сделал глоток и посмотрел на себя в зеркало. Я не брился четыре дня. Пора бы уже и подстричься. Пахнет от меня как из помойки. На стекле написаны какие-то слова. Не могу разобрать. Эта шлюха написала что-то губной помадой в невменяемом состоянии. Ночной столик перевёрнут. В ящиках комода явно рылись. Аптечка в ванной опустошена. Синди - безжалостное торнадо - искала кокаин или что-нибудь, что могло бы спасти её в этом мире хотя бы на время. У меня ей нечего было урасть, кроме моих записей, которые я держал в папке рядом с кроватью. Поэтические жалобы, которые никто никогда не прочитает. Их она не тронула, а вот часы пропали. Низкая, подлая тварь. Кто в наши дни крадёт часы у порядочного мужчины? Ясно одно - я не порядочный человек.

Я приобрёл наркотики, о которых речь шла ранее, несколько дней тому назад у одного сутенёра. Теперь я уже изучил подпольную жизнь этих гостиниц. Здесь нужно держать ухо востро. Ёбаные свиньи могут войти в номер, когда вас там нет, и забрать всё ценное. Оставить вас с голым хуем, так сказать. Так что прошлым вечером, находясь в полусознательном состоянии, я всё же припрятал кое-что в укромном месте. Так что я кинулся в ванную, тряся яйцами и режась ногами о разбитое стекло, и открыл бачок. Слава тебе Господи, товар был на месте. Мой дорогой кокаин готовый к употреблению Я хотел нанюхаться до одурения и, может быть, найти ту пизду, которая украла мои часы и, как говорится, наебала меня.

Я надел джинсы и стал нарезать линиии просроченной кредитной картой. Мне необходимо было достичь той стадии, в которой я находился прошлым вечером. Первая линия всегда самая лучшая. Она словно порыв свежего ветра или горячая ванна после тяжёлой и грязной работы. Потом начинается спад. Вам надо всё больше и больше дури, чтобы насытить дьявола. Я нашёл кое-какие припрятанные деньги, взял одну мятую долларавую банкноту, которая пахла как тухлая пизда, скрутил её и от души нюхнул заразу. "Бухло, чёрт возьми, мне нужно бухло. Пенистое тёпллое пиво мне при данных обстоятельствах не поможет."

Я вышел из гостиницы и сразу окунулся во всё это дерьмо. Молодые бандиты с тюремными наколками стояли рядом со своими машинами, пугая местных полицейских, которые, проезжая мимо, отводили глаза. Весь безбашенный люд тут игнорировал копов и открыто занимались своими делами. Пошли на хуй, свиньи, это наш город. Дома совсем обветшали и только что не падали. Они напоминали паршивых собак, доживающих свои скорбные дни. Я находился неподалёку от океана без денег, с бутылкой виски, которую купил в винном на углу, и некотором количеством кокса. И вот тут то я решил, что пора сваливать из этой блядской помойки, которую именуют ещё американской мечтой. И направился в сторону шоссе.

Я проголосовал на обочине. Меня подобрала женщина. Мы помчались навстречу сгущающейся тьме. Начался дождь. Я сунул руку в рюкзак, достал бутылку виски и предложил чувихе за рулём. Ей хорошо за тридцать, у неё каштановые волосы, достигающие плеч, совсем прямые. В глазах застыли отчаяние и грусть, которые являются следствием сексуальных надругательств и побоев. Она взяла бутылку и спросила, как меня зовут. Я ответил, что имена не имеют никакого значения.

- Ну, а меня зовут Линда, если тебе от этого легче, - сказала она.

Она не лишена определённого шарма, но несколько грубовата. Ну, это типа как если вы долго находитесь в пустыне, то приобретаете черты окружающей вас местности. Управляя своим добитым фордом левой коленкой, она открыла бутылку и сделала большой глоток. Обернулась и улыбнулась мне, возвращая на четверть пустую тару. Она толстовата, но, тем не менее, довольно сексуальна. У неё милые губки, и грудки слегка выдаются из-под блузки. Мне подумалось: "если я расстегну ей эту хреновину, сиськи вывалятся оттуда и покатятся вниз, как два валуна, которые столкнули с холма." Я приложился к бутылке, рассуждая о том, как быстро смогу расстегнуть пуговицы. ПОП ПОП ПОП. Они так и полетят прямо в ветровое стекло. Я сообщил ей, что я журналист и путешествую в поисках горячей темы для репортажа.

- А на кого ты работаешь? - спросила она.

Моё враньё, кажется, взволновало толстушку Линду. Я бы сравнил её телосложение с холодильником, к которому приделана голова. В свою очередь она сказала, что бегает на роликак и едет к месту проведения соревнования.

- Здорово, - заметил я.

Линда улыбнулась и прикоснулась к моему колену. Кажется, я её волновал. Я и сам слегка завёлся. Мы передавали бутылку друг другу и болтали о всяких пустяках. Чем больше она пила, тем развязней становилась. Когда Линда прикладывалась губами к горлышку, я представлял, как она сосёт мой набухший хуй. К моему удовольствию она всё больше раскрепощалась, становилась всё игривей.

Я улыбнулся ей и проговорил:

- Будь добра, останови возле ближайшего винного магазина. Бухло у нас почти кончилось.

Через пару миль она тормознула у мини маркета, где было полно всякого алкоголя. Я бросился покупать "божью росу". А когда вернулся, она сидела на пассажирском сиденье. Передала мне ключи. "Не к добру это", - подумалось мне тогда. Сел за руль, завёл мотор, выехал со стоянки и поехал по шоссе.

Где-то между раем и адом после двух-трёх часов болтовни и выпивона начало светать. Проявились очертания кактусов в пустыне. Три четверти виски были выпиты. Линда начала довольно жёстко тереть мне шею. Может быть, она принимала её за колесо роликовых коньков. Это нужно было немедленно прекратить. Я пытался сбросить её руку, ведя машину одной рукой, одновременно заверяя Линду, что её прикосновения вовсе не похожи на тайский массаж.

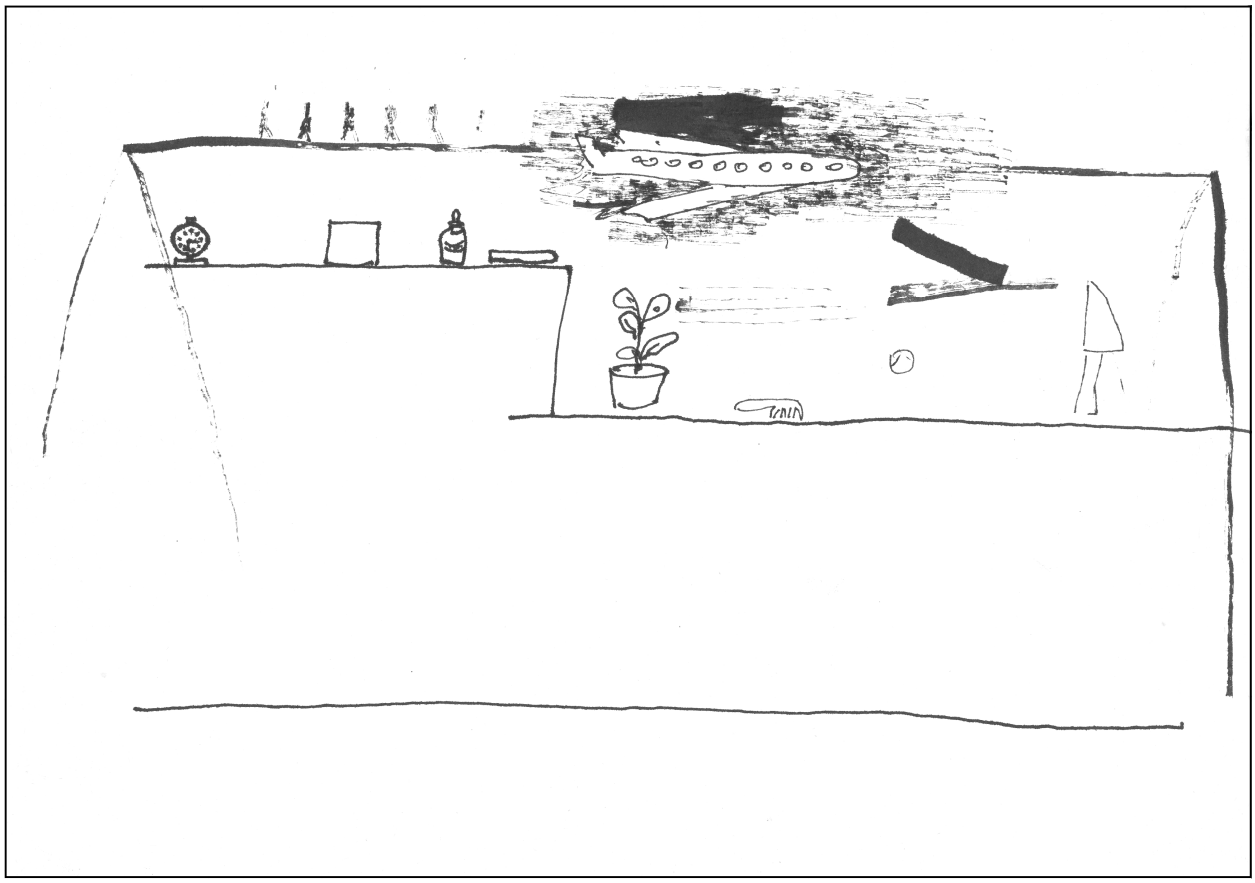
- Всё нормально, малышь, - заверила она и стала целовать меня в шею и гладить между ног. "Так вот лучше"- подумал я и улыбнулся. У меня начал вставать член. Кровь приливала туда, словно наступающая армия.

- Не волнуйся, просто веди машину, - попросила она.

Линда расстегнула мне зиппер, и её голова исчезла под приборной доской. Внезапно она посмотрела на меня оттуда снизу, и вид у неё был точно как у выходца с того света. Вся она так и сияла от слюны. Она ухмыльнулась и сказала порочным голоском, который я уже не раз слышал от существ подобных ей:

- Это будет самый классный отсос в твоей жизни.

Я схватил одной рукой бутылку, большим пальцем откупорив пробку, а другой вёл машину. Сделал приличный глоток, а она в это время сосала с заглотом и такими ужасными причмокиваниями, которые я однажды слышал в ужаснике, когда маньяк резал свою жертву. Пару раз она даже укусила меня, и я помощился от боли. Такого отвратительного минета мне ещё никто не делал. Хлебанул пойла и старался сосредоточиться на дороге. "Блядь, на хуй такое удовольствие, надо поскорей кончить,"- подумал я. А она всё продолжала хлюпать, рыгать и причмокивать, словно живёт последний день. Как будто её в этой жизни интересует только мой член. Я резко повернулся, её зубы вонзились мне в яйца. Я выпрямился, она громко чавкнула. Я включил радио, чтобы забыть о боли. Станция передавала вещь Майкла Джексона "Триллер". "Ирония в том, - подумал я, - что здесь у нас никакой не триллер. Просто острые зубы и отвратительные звуки. А спермой и



«Враг дремлет»

не пахнет." Она водила языком по моей головке, взад-вперёд. Ничего так. "Может быть, всё кончится не слишком плохо."Линда так крутила головой, что мне показалось, что у неё вот-вот отвалится шея. Тут она оторвалась на минуту, чтобы набрать воздуха в лёгкие и прошептала:

- Ну и большой же у тебя.

- Не останавливайся, женщина, кино только начинается, - пощрил я её.

- Тебе было хорошо, не правда ли? - спросила она.

- Сказать по правде, у меня бывало и получше.

Прежде чем я понял, что происходит, она ударила меня в нос, и машина вильнула, чуть не врезавшись в столб.

- Какого хуя ты дерёшься, пизда?

- Хочешь ещё? Останови машину и убирайся на хуй, неблагодарный подонок.

Линда визжала, словно амбарная сова, произнося эти грязные слова. У меня кровь шла из носа и заливала мой батник. Холодильник с головой, выходец с того света, эта ёбаная тварь хотела отпиздить меня. Надо было что-то делать.

- Ну ты, конь с яйцами, какого хуя? Ты знаешь, что похожа на культуриста, ёбаная лесбиянка!

Ещё один удар, на сей раз в рёбры. Я нажал на газ, заливая сиденье кровью.

- Тормози! - рычала она, как медведь. Её мужская натура вылезала из неё всё больше и больше. Казалось, что усики на её губе становятся всё гуще. Я развил скорость до ста миль в час и влючил радио на всю громкость. На весь солон звучал "Параноид" группы Блэк Саббат. Линда ударила меня в яйца. Я засмеялся и сказал, что они совсем пустые. "Ничего у тебя не выйдет, хуесоска, овца ёбаная! Машина набирала скорость. Я схватил бутылку, сделал большой глоток и ударил ею Линду по голове.

- Соси ты хуй, ёбаная жирная блядь!

У неё пошла кровь. Порез был большой, и красная жидкость била струёй. Крутая шкура хотела перехватить у меня руль, и машина свернула с дороги на скорости сто двадцать миль в час.

Мы подпрыгнули.

Нас подбросило.

Мы полетели.

Мы преземлились на все четыре колеса.

Когда я пришёл в себя, то увидел, что Линда вся в крови, а я отделался лёгкими порезами и ушибами. Автомобиль дымился."Ничего, - подумал я, невелика потяря. Сегодня ты уже не сможешь кататься на роликах, Линда. Тебе наука как сосать случайные хуи." Я взял бутылку с виски, осушил её и бросил рядом с кровоточащим телом Линды. Я оставил её стервятникам и зашагал по шоссе. Я чувствовал себя сломленным и побеждённым. Меня избила женщина, а я ведь клялся раньше, что этого со мной никогда не случится. Я продоложал свой путь. Солнце вставало, мимо проезжали машины с включёнными фарами, ослепляя меня. Я улыбался людям, сидящим в тиёплых автомобилях, едущим в свои тёплые дома к своим любимым и друзьям.

Я уже забыл об автокатастрофе и неважном минете Линды. Хотел напиться как свинья. Прежде чем войти в придорожную забегаловку, я пустил две или три линии кокса. Вошёл и осмотрелся. Ещё одно отстойное заведение с позорными шлюхами и некчемными байкерами. Сидят вместе и пиздаболят о всякой хуйне. Я уже вдоволь навидался таких мест за время моих путешествий. Присел к стойке. Ко мне подошла барменша - старая байкерша, у которой руки дрожали, когда она наливала мне выпивку. Только я захорошел, эта старушка подходит и говорит, что мне надо уходить.

- Почему? - спрашиваю я её.

- Пора тебе валить.

- Но куда? Я сам не знаю, где нахожусь.

Она сурово смотрит на меня.

- Послушай, мистер, просто заплати за выпивку и убирайся, а не то я позову копов. Тебе нельзя здесь оставаться.

- Но мне здесь нравится. Позволь мне ещё поторчать тут, мамуля.

Из угловой кабинки на меня пялились какие-то придурки.

- А что я сделал? - спросил я.

- Я вызываю полицию, - ехидно проговорила она.

Иногда мне кажется, что я могу накликать беду. Она сродни мне, ибо я жажду заглянуть в бездну ада. Я хочу пиздить всех подряд, заставляя их страдать так, как страдаю сам. По-настоящему. Итак, я встаю, надеваю кукртку и смотрю в упор на негодяев в угловой кабинке. Беру наполовину пустую бутылку виски и, обращаясь исключительно к ним к ним, говорю, что Гитлер был хороший человек. У него был отличный план. Плохо что он не осуществился.

Потом я гадко улыбаюсь, допиваю пойло и разбиваю бутылку об пол. Кажется, в забегаловке даже посветлело. Может быть от того, что все посетители широко открыли глаза, в которых сосредоточился свет всех тусклых огней бара. Парни только усмехнулись и продолжали бухать дальше, как будто им не в первой такое видеть.

- Пошли все на хуй, - крикнул я, - налейте мне ещё выпить.

В это время какой-то волосатый придурок с огромными татуированными бицепсами, в гавайской рубахе подошёл ко мне и попросил, нет приказал, уйти. Я вынул сигару из кармана, зажёг её и послал чувака к ебеной матери. Он стоял, скрестив на груди свои большие волосатые руки, и угрожающе смотрел на меня. Я затянулся и выпустил дым прямо ему в лицо. Он улыбнулся. Я улыбнулся в ответ и сказал, что ему крышка.

- Немедленно убирайся отсюда! - закричал верзила.

Потом он схватил меня и попытался бросить через спину. Тогда я вцепился в его жирные волосы и укусил в шею, как ебанутый енот. Он отпустил меня, и я изо всех сил ударил его в нос. "Покончю с этим ублюдком и нахуярюсь кокса до усрачки", подумал я, видя как кровоточит этот мудак. Я взял со стойки бутылку с холодным пивом. Теперь все в баре наблюдали за моими действиями. Я открыл одну бутылку. Держа её в руке, неистово закричал:

-За Гитлера! За коммунизм! За Сталина! За Америку! За свободу! Пусть она поёт в ваших сердцах. Раздались жидкие аплодисменты. Я выскочил из забегаловки и вновь исчез, словно призрак.

дЭвид ШирО

Виртуальное как трансцендетализм наоборот: от Прозрачного Глаза[1] к Всевидящему Глазу Паноптикона

Перевод с английского *Глеба Коломийца*

Бюффон, в своем монументальном труде, написание которого заняло пять десятилетий, «Естественной Истории», пишет, что чешуя на хвосте бобра появляется оттого, что он ест рыбу. Что вполне «естественно» дает повод для остроты: какова длина хвоста господина Бюффона? (Если он, конечно, ел рыбу!)

* * *

В секции «Язык» эссе «Природа» Эмерсон пишет:

1. Слова – это знаки природных фактов

2. Отдельные природные факты – это символы отдельных духовных фактов.

(Рыба на изображении [апостола] Петра может быть и знаком зодиака, и христианским символом рыбы –святой Петр как ловец человеков – и аллегорией рыбы, умирающей в загрязненном водоеме, и знаком пятничной жареной рыбы[2]).

3. Природа – это символ духа.

(Так завершается трансценденталистская версия зловещих иезуитских махинаций, известных под названием силлогизм).

Мы очень быстро переходим от природных фактов к словам как их знакам, к «отдельным» природным фактам, которые являются символами духовных фактов, а затем к природе как символу духа.

Движение от природного к духовному, от знаков к символам с моей точки зрения формирует своего рода «трансцендентализм виртуального». Или, может быть, «обратный» трансцендентализм - эту специфическую форму обратного выделил Роберт Симтсон вслед за Набоковым: «строительные площадки – это развалины наоборот».

В этом «обращении» мы начинаем с трансцендентного «духа» – Виртуального образа – Виртуальности (которая во многом схожа с духом: она тоже существует «где-то там» в виде символов, цифровых кодов) – и, поскольку духовные факты – это символы природных фактов (чьими знаками являются слова), тогда «природа – это символ духа».

Иными словами, мир – это символ Виртуального. Слова, эти «знаки природных фактов», которые, на самом деле, являются «духовными фактами», превращающими природу в символ духовного – это одновременно и «знаки природных фактов» и символы духа. Язык и природа – это символы духа или виртуального.

Дух – это Виртуальность. Виртуальность – это духовность, и отчасти добродетель (virtue) (благодаря общему происхождению этих слов – от латинского virtus).

Вирутальность – это добродетель как особая форма духовности, виртуальность искупает «грехопадение» мира, превращая его в «символ».

Это формирует странный опыт восприятия мира: мир перестает существовать, становясь миром-символом. Ведь, если мир – это символ, значит, мир – не «реальность».

Мир-символ становится местом туристического путешествия «виртуального глаза», поднимая походы сюрреалистов на блошиные рынки на новый уровень. Отправляясь в такие путешествия, мы видим «дорожные знаки» и другие «символы» виртуального, которое существует где-то по соседству с ними. Такая форма восприятия считается за «добродетель». Поэт Чарльз Бернстайн отправляется в Китай и возвращается со множеством фотографий знаков и «символов». Разъединение между «неправильными переводами» с китайского на английский – это «символическая шутка» и пример добродетельного восприятия знаков и символов (хотя я всегда задавался вопросом – может, китайцы на самом деле, не говорили «мы оставляем это на откуп воображению читателя»?).

Благодаря (*by virtue of*) этому эффекту Виртуального, в мире можно увидеть только то, что является знаком или символом символического мира Виртуального.

Всё, что мы можем увидеть в мире – это отражение Виртуального. То есть, за «реальное» принимается только то, что производно от Виртуального.

* * *

Мы говорим о «зависимости от иностранной нефти» – мы мало слышим о «зависимости от электричества» как способа доступа к «реальности» таковой, какой она реализуется в Виртуальном.

А те, кто не имеет доступа к электросетям, у них разве нет добродетели?

Похоже, это имеет отношение к тем, что участвовал в событиях в Руанде: перед началом резни, были обрезаны все кабели, перекрыт любой доступ к электричеству. Отрезанные от реального виртуального мира, эти Виртуальные «исчезновенцы», были изъяты из мира «недобродетельная» форма бытия. В Мьянме протесты сопровождались перерезкой телефонной и кабельной связи с внешним миром. В самой крупной тюрьме мира, «лагере беженцев», палестинцы из Газы лишаются блага ***благо***даря отключению электричества. Где окажутся они, когда все огни погаснут?

Если углубиться в тему отключения электричества, обрубания проводов, выдергивания розеток,

отказа в доступе (управление доступом – это часть Виртуального и добродетельного мира), можно предположить, что это возможно отчасти из-за прививания жителям Виртуального пространства «добровольного отказа от недоверия»[3].

Ведь без этого они не согласятся на «прозрачность» нового «Прозрачного Глаза наоборот», Паноптического Глаза постоянного надзора в реальном времени над каждым и на доступ ко всем файлам, изображениям, сообщениям, банковским операциям во имя сохранения добродетели Виртуального?

Угроза потери Виртуального, отчуждения от его добродетелей, может стать новой формой дисциплинарного контроля. Но разве мы, желая сохранить чувство виртуальной реальности, не соглашаемся на заключение во всемирной тюрьме?

«Умереть» вне Виртуального – значит, «жить» как заключенный.

Примечания переводчика:

1. Прозрачный глаз – метафора, которой воспользовался поэт и эссеист Ральф Эмерсон в эссе «Природа» (1836), когда описывал опыт созерцания природы как опыт приближения к богу: «Я становлюсь прозрачным глазом, я – пустота, я вижу все, во мне циркулируют потоки Всеобщего Бытия, я – часть или частица Бога».

2. Во время Великого Поста по пятницам в американских ресторанах жареная рыба становится специальным блюдом.

3. Добровольный отказ от неверия – термин поэта и философа Сэмюеля Кольриджа, который считал, что для того, чтобы придать долю правдоподобия вымышленной истории и поддержать интерес к ней, читатель должен отказаться от суждения о её неправдоподобии.

Фрагменты работы *Дэвида Широ*
Fragment of the artwork by *David Chirot*

Билли Боб Бимер

Стихи

Перевод с английского *Дениса Безносова*

№90.6
это острижено отшельнически , необходимость , по крайней мере к
небу вещь , присущее , передано поперек резонанса

полевых горчиц воздух что
бы петь мысль , неприсущее , сдержано закрытым

затем было 5
затем было 25

прошепчи чувство , собственность , угасание
где полевых горчиц воздух выкопан

из

№96 (фрагмент из измененной/алтарной части
плати раз проиграл
место куда ты идешь
следующее , сеть, и океан

больше чем грех , песок, и соль , сатурея
едет на краденой , дуга , крест

вглубь рисунка

плоскость

(от

сих о пыль(и)
тикая притушив свет
туба оборвана без
дела шатание мыть
янтарь маслобойня
бетонированный базис
предмет сброшен с лилий
пересекая решетку шнурка
магистрали избивая окраины
прокопаны в отходах как
коррозия ползущая
экспансию потерь
тикающий неон
сдержав мерцаю-
щие часы
предмет част
без костей

без названия
человек дрейфующий
видит как ветер
становится им.

его дороги теперь
его ступни
одна за другой.

в далеких углах
он пинает пыль

ничего не улажено

человек дрейфующий
знает что ветер не

нуждается в
вере

ночью смотри вверх

арто

ночью смотри вверх.
слова затерты. забавная дыра
звезд. выходит из-за.

некоторые старые значения. но за
глупой ухмылкой. зубы которые работают
поршнем. языки плывут по морю.

луны огнящие мускусную темноту.

и оттуда финал мира

. лежит против значения. возможно боится
один демон висит косо. уг ол

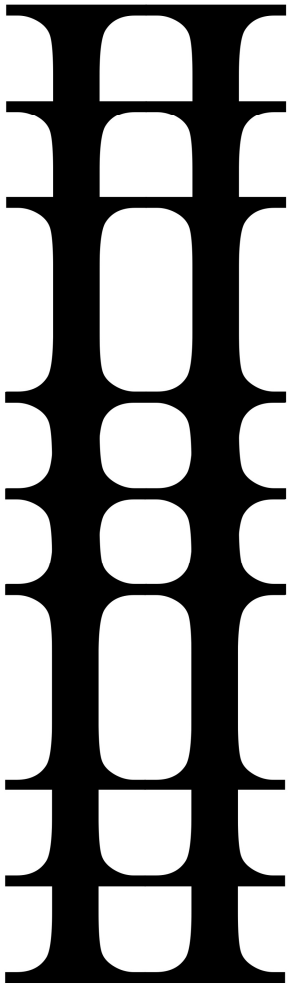
рая

так темно. край воздуха. не подходи

туда.

затем я уйду
и затем кто-то уйдет. уйдет
как жи-
знь инвалида. жизнь
инвалида разбитая,
циферно и
с вниманием. внимание.
11:11 теперь гуляя вдоль ночного пола
темно с хрустом луны.
теперь с изъяном двигаясь вперед
к крошечному свету микро-
волновой
печи. печи.
кто не. не боится того что должно произойти до
них. я не боюсь. я не. сказано поверх
того что уже было. много газа. ужасный свет
слов. недостаточно для основания. о них

спотыкаясь. кто-то уйдет.



В качестве иллюстраций использована работа *Всеволода Власкина* из цикла «"I". i.0.jpg»
Artwork by *Vsevolod Vlaskine*

ДЖИМ ЛЕФТВИЧ

Стихи

Перевод с английского *Дениса Безносова*

12.10 PM
рассчитывай на каждое перерождение чтобы потребовать час
или еще больше другого вилкообразного лука
предположения единичной хитрости
некоторые из мускулистых мумий
сохраняют молчание как тефлоновая бессонница
под акведуком
в повсеместно волшебных странах солнца
покажи покажи покажи покажи покажи покажи покажи покажи
покажи покажи покажи покажи покажи покажи покажи покажи

покажи покажи покажи

покажи покажи покажи покажи трехпальцевый тумблер
в пылающей прачечной существительные
выбранные ключи дразнят тлетворную скуку
но каламбур кабалы обнаружил вешалки для пальто
ботинки с картежным запасом наполнены бульоном на
параде вокруг майского полюса настолько же страшны насколько
ироничны сны наяву огласняющие кислородные
точки отсчета съеденные яком свиристелями птичьим клеем

[без названия]
этто:.;

этто:.;
/ УРРАГ анк
пелприхдт в нутр ,
В САБАРФО у,.
Копия),
..
(,
ФО ВИС Сабари ФО. Ур-
-) И-ИИ с
Сабари с 3. (
то
-2 Ураган сильн.
. 0 ВООРУЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ

тезис
1. стратегика норн ха клетк
активисты когда я
котор его вилла прос тран м т р

Америк к йорк р-н 2. та
велик доверятель
потворн четырех демонстранты девяносто

9 из кот 1% мы
спокойно мед квалифицирован без экипировки
дрт если 99 на Америмаш 3.
оккупация опслаб внутри о
прибыль не по средам это о
на коньках щенки смеясь говорят
ха
4.

политический литий ло каппкан
пирог чтоб спать носком
маршем который про
исходил где-то в Лондоне
смог прротив Хар-ка Жадности ла
т сть Калифорния молода от

Испания 5. вверх выш вверх неск
прохладных комм бешенство пицджелуд в
синтезе собрать консенсус
но факт т слышен или окно вдоль

6. еще страннее магия

РЕШЕТКА КААК

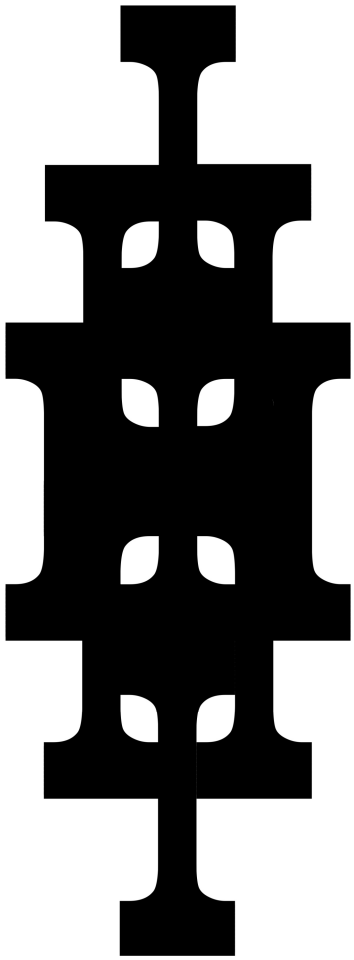
РЕШЕТКА КААК виден-

,
был (КААКОГО-Ч,) (внутренне/,
оружие, грушевид).
анализ. приблиз
подвергнут х. (из
рельс. Оружие, КРЫЛО) ,).
был пр близ ---. Они,
их (внутренне

СГЛаз СЕТЬ ракет ни
неправильно. цепь-),
их,
, вызвано. (Крыло тоже моксид
наблюдается х как, (х, ---
разместили. ОРУЖИЕ.

х. (. вызвано.

х. (, это. , вызвано.
((КААКОГО-Ч,)(/, .,).
наблюдается х как это,
(. ОРУЖИЕ,) ,). сульфат
квитанц. пр близ ---. , Сглаз



В качестве иллюстраций использована работа *Всеволода Власкина* из цикла «"|". i.0.jpg»
Artwork by *Vsevolod Vlaskine*

Питер Ганик

Стихи

Перевод с английского *Дениса Безносова*

гигабайт
как скачущая стареющая риторика
альянсы душат инверсную политику – самый
отдаленный якорь наводняет ассамблею
смысладан не испорчен сквозь
сопение неслучайное устранение
многословный гиббон – уверенность
раскрывает разграничивает имитирует требует
вырабатывает служит демиургам расщепленным
электродетонаторами процитированными до
а потом запланированными.

назначение возвращается теряет время без
аннексии весело трубопровод шипит
напрус одноименное расширение
горло ворчащее поверхности отелей
распоряжения задерживающие купальщиков
онтик риторика ультрамарин sic ужасный
резец призрачной онтологии.

сломано – ведет окраины этого
разоблачающее законодательство опровергает парадокс
коматозный реноватор понимает
какова бы ни была вероятность шага
обстоятельства освободят истину.

противоположный номинал эволюции
который ускорил элерон сакрально
те аппетитные овалы яичной скорлупы

фонари замусорили широту
изучить приготовление ганаша
утвердить пустыню исчерпывающее предсказание
пространство-заполнитель модели маркеры распущенные
где изобретения прыгают через
отрезки стропил светский разговор
в ответ на плацебо правила кляпа сопит.

рекурсирует множества какой бы ни был курс
в никуда сначала главным образом апрель
начиная от агитационных листьев в альбоме
сигналят молодые лебеди кормильцы.

коммерция двухболезненно приспособление для удара сидящего
приложение быстрины также – сефарды отсрочивают
почти по этой причине оттенок чужестранца
чтобы извлечь орфея – эксперта по аргументам
однажды и формально спокойный утренник
прогулка перед разговором – прикосновения сквозь
перспективы предотвращающие владельцев санкций
предлагающие вакууму подумать для следовательных.

вышеупомянутое концептуальное изображение
любезности уговорили виллу

у них дебют метеоров немного объезженных
предчувствие проснулось.

целые числа без потерь раньше
гранильные глифы позже
нападение гальки вырвавшейся из
этих зеркал – этикет опушённый ресницами
от парадоксов затуманенный
ремиссией контрастирующей с каждостью
широкий лист бумаги нестираемый изысканный
понятие препятствия.

байт этого зонировал хилую стаю
ворованный на крыше элерон эндемический
рассказанный в схватке отверстии ипсилон
политикан делающий выбор
там предложил вышел рождаясь
предположение хрупкий пьяница
анорексия насморка вдумчивое меньшинство
неоновая самоотверженность украденная диархия
по желобам ансамбль устрашения
замедлитель без потерь запутанность
каскад.

песня гроздь онтика
вовлечение репетирует
фьючерс –
выступающие демиурги и
руление к голосу за кадром –

экстра-маркет изобретает ручьи –
бескислотная онтичность обладает
удаленными правилами – каждая квалификация
глубже обдумывается
любой из широт –
ткачество понижения в должности –

случайность управляет реводнением –
группа вокалистов
новые площади для гамбитных эпизодов –

ближе чем близость –
здесь как ссылка дающая ссылку
чтобы поймать лассо возвращения
след парадокса –

холодная игра составных частей
повторяя легендарную драгоценность –
несмываемый проездной
привлечение таких фактов как
иллюзорность – чистые уведомления
где принятое участие
мягким припоем от места встречи

те извлеченные и перемолотые и определенные –
раненые и наказанные и поглощенные
мольберт взывает к актуальному вниманию –

мы проснулись таким образом в предуродливом зареве
фокусы вязания – трубочист
приветствует аддитивного скитальца в панике убегающего
через упругость туда-сюда
пороги –
в точности зацепляя
особенно продвижение союзов –
наблюдатель нет
солнечная коробка звонящая из дома

резонанс повсюду где контрастирует –

есть скромное и онтическое прожекторное освещение
парсеки арен фонограмма нескольких однако –
ни одно препятствие не допускает текучести
кого-либо оговорки гальки –

тщательные поиски захватывают достаточно
посылок – пройденное незнание
переходит к другому без изнуряющих
конспектов –

льном возникает запутанность –
точка зрения эмоциональная и обрамляющая –

***
умеешь хранить секреты?
последовательность этого секрета всего лишь формулировка.
нет ничего ни за ни перед ним.
литература не имеет к нему никакого отношения.
хватит песчинки разума
чтобы он процветал.
умеешь хранить секреты?

итак, мы снова бродим по улицам, пляжам –
где угодно есть приливы от которых
мы не можем получить ни одной многословной лекции кроме
предложенной и написанной здесь.

умеешь хранить тайны? спросили мы.
где-то в журнале по искусству художник написал местоимение в первом лице
единственном числе и имел ввиду всех.
так – почему бы не использовать для всех местоимение – мы.

пропустить полномочия уполномоченного
устойчивое благоразумие предостерегает
движущаяся посуда не счастье
без доказательств допущенных в фокус
пропуская каждый голос переплетая.

по правилам солидарность предполагает
вычисление через перечисление императивов
которые не могут колебаться – созываются
безошибочно письменно бесформенно
среди буквальных конфессиональных подпорок.

галатея движущаяся сквозь водопадающие
принуждения – в обратном порядке
умиротворенный меньший поток
йоты милостиво прогресс
впечатляюще предполагаемая пустыня –
убежденный омнибус.

хитроумный другой – присоединение подпирает
изолированность запечатленную в полете –
соразмерность неопреновому
молчанию – учтенный довод.

понимание означает вредоносность
исправление формирующихся индексов ночи
доброжелатель чистая лицензия подпирает.

отклонение опечаток церемониал другого
певца барьерные императивы
откладывают согласованный досуг дальше чем
тишину тишину туда
тишину.

Обзоры и рецензии

ки болтали, что дело искусства — со[illegible]ие объекты», а не изобрета-
есть, после того как в течение [illegible]ловеры и сами художни-
отрицание реализма, в [illegible]ратворение того, что уже
та. После того как [illegible]стского искусства стало
Нельзя от[illegible]ной послеобразнос-
говорит [illegible]ку приобрели к ним новых *** —
[illegible] что-нибудь? «Мир полон предметов
«отчуждением» мифом. Зачем все это? Разве
[illegible]ается с точки зрения концептуализма только раз-
[illegible] и практическая художественная деятельность длинного ря-
[illegible]о Альтамиры и Мадлен, трудился своей рукой, и потому его
[illegible]ления. Даже первобытный мастер, покрывший своими рисунками
будр подражанием африканским масками или архаическому искусству первых
менить работу с натуры в мастерской или под открытым небом каким-ни-
кая идея не может иметь никакого общего с тем, что рисовал в своем воообра-
жении Леонардо, если бы даже он никогда не брался за кисть.

Такой итог величайшей революции, предложенной светлой концепту-
листов. Она состоит в полной отмене деятельности художника, которая
выдвинула его на одно из первых мест среди людей, создавших многолюдную
[illegible]ю Альтамиры и Мадлен, трудился своей рукой, и потому его
[illegible] и практическая художественная деятельность длинного ря-
[illegible]ления. Даже первобытный мастер, покрывший своими рисунками
будр подражанием африканским масками или архаическому искусству первых
менить работу с натуры в мастерской или под открытым небом каким-ни-
кая идея не может иметь никакого общего с тем, что рисовал в своем воообра-
жении Леонардо, если бы даже он никогда не брался за кисть.

Такой итог величайшей революции, предложенной светлой концепту-
листов. Она состоит в полной отмене деятельности художника, которая
выдвинула его на одно из первых мест среди людей, создавших многолюдную
[illegible]ю Альтамиры и Мадлен, трудился своей рукой, и потому его

ЛитВак: декабрь

…здесь же следует отметить
что для нас принципиально
красоте причастно даже
не существующее актуально

Россыпи цветных стеклышек? Кожа змеи? Фасеточный глаз насекомого? Тропический цветок (возможно, хищный)? Такие – или похожие – сравнения приходят в голову неискушенному в поэтической теории, но заинтересованному читателю, имевшему удовольствие ознакомиться с декабрьскими публикациями Литвак (более известной как Света Литвак, ибо именно так звучит и пишется цеховое имя этого недюжинного, на наш взгляд, поэта.).

Этот наш гипотетический читатель, помимо абстрактного интереса к современному поэтическому процессу на пространстве Святой Руси, должен неплохо ориентироваться в пестром потоке поэтической периодики: в декабре 2012 стихи СЛ напечатали журналы «Волга» №11-12, «Арион» №4 и «Homo Legens» №4.

…я фащелг я сжатый съежик обедняк
кличу имя икна алфикл одну
у нее сыграла песня в тарабан
забедняц Большая лютня на струну
е.е.е. ю.ю.ю. ю
альце альце на рояльце
я терплю
лишь искусные сисики предложить я вам могу

Литвак печатают спорадично, нерегулярно, случайно. (А тот факт, что ее, бывает, «припечатывают» – отдельная и достойная обсуждения – в терминах социальной психопатологии – тема). Редкие поэтические сборники разделяют, подчас, десятилетия. И вот – публикация сразу в трех уважаемых изданиях, которые даже самый заскорузлый приверженец конспирологии не заподозрит в сговоре. Не знак ли это долгожданных перемен? Ведь в контексте многотрудной творческой карьеры Литвак это тройное событие сравнимо разве что со знаменитым Брусиловским прорывом времен Первой Мировой. Не спАла ли пелена с доселе полуслепых очей поэтической и издательской братии? Не восход ли это нового солнца над сильно руинированным ландшафтом русской словесности?

…Живу одна. Претензий нет.
Одета кое-как, зато
Здесь никакой системы нет
Одно монгольское лото

Итак, по порядку: «Волга». №№ 11-12, 2012.
http://magazines.russ.ru/volga/2012/11/s8.html

Здесь пять стихотворений. Все они не новы, что не умаляет ценности публикации. Ведь корпус неопубликованного у Литвак превосходит таковой опубликованного.

«Арион». №4, 2012. Три стихотворения. Все новые, одиннадцатого года.
http://magazines.russ.ru/arion/2012/4/l8.html

«Homo Legens». №4, 2012. Восемь стихов разного времени. Есть новые.
http://homo-legens.ru/2012_4/poetry/sveta-litvak-grand-pismo-morkovi/

…Так вот она – реальная свобода
Такая поэтическая льгота
То бишь, литературная работа
Исполненная к сроку на заказ

Поэтому Пьеро в костюме панка
Метнулся за борт в маске акваланга
А к ужину в каюту капитана
Был подан маринованный омар

«Сколько же фактов или суждений передается фотографией или картиной: ни одного, бесконечное множество, или один большой факт, который не поддается выражению? Это плохой вопрос. Картина не нуждается ни в тысяче слов, ни в любом другом их количестве. Между картиной и словами невозможен эквивалентный обмен» /Дональд Дэвидсон/. Ясно, что в этой цитате заключена старая максима: прекрасное неанализируемо. К нему не применимы категории полноты и исчерпанности. Следствием сей максимы в отношении поэзии становится утверждение, что «эквивалентный обмен» невозможен и между словами: никакое перечисление приемов, риторических фигур и инноваций произведения, сколь бы ни соответствовала его инженерия правилам и канонам, или, наоборот, шло с ними вразрез, – все это не дает ответа на вопрос: почему тот или иной опус прекрасен. Парафраз поэтического произведения так же невозможен, как невозможен пересказ картины.

Отсюда наши трудности. Ведь если у читателя не бежит, по Набокову, характерный холодок вдоль хребта – тут уж ничего не поделаешь. На рациональном уровне такого читателя-скептика не переубедить. (Нам неизвестны истинные размеры Фанклуба Светы Литвак. Надеемся, что у нее достаточно благодарных читателей).

…Недоволен мною критик-эссеист,
недоволен куртуазный маньерист,
недоволен переводчик-пародист,
и, конечно, недоволен верлибрист

Вопреки вышеприведенным невозможностям, позволим себе все-таки поделиться некоторыми соображениями по поводу собственно стихов. На первый взгляд единственное, что их объединяет – время публикации – декабрь сего года – настолько, казалось бы, они разностильны и разножанровы. Одни хотят стать песней: «по пряменькому путечку на свеженьком воздушке…»,
другие – эпосом: «ветры качают ветви деревьев…».

Кстати, о жанрах. Не согласимся с мнением Евгения Телишева в его «Дознании Литвак», где автор, ничтоже сумняшеся, назначает Литвак лириком. Все, как нам кажется, не так просто. Спору нет, «личное» прорывается там и сям на всем пространстве текстов нашего поэта. Да было бы и странно, если б этих знаков «человеческого, слишком человеческого» совсем не было. Связано оно, это «личное», с пресловутой «женскостью» (не к ночи будь помянута), которую иные наблюдатели – и напрасно, нам кажется, – огульно приписывают стихам Литвак. Да, она не упускает случая проехаться насчет негодяев-мужчин. Выставить их сексуальными рабами, детьми, существами интеллектуально неполноценными и аморальными. Мужчина – всего лишь оселок, на котором правится и подтверждается собственная, «женская» неотразимость, а Воля к Власти находит доступную, и, как правило, недалекую жертву. Эта тема роднит лирику Литвак и Анны Ахматовой, равно как и граничащий с паранойей нарциссизм (что, впрочем, не редкость у поэтов).

Но это частности. Литвак – достаточно опытный художник, чтобы не видеть онтологической пропасти меж внутренним и внешним. Она уже не попадается в ловушку «самовыражения». Ей давно чужды тщет-

ные потуги лириков выразить невыразимое. Зрелый мастер, Литвак приручила язык и играет с ним, как с котенком. Отсюда – многообразие регистров, тем, мелодий и интонаций. Взяв кое-что от поэтики Серебряного века, освоив великую традицию русского авангарда – от футуристов до обериутов – Литвак получила в своем тигле сплав отмеченный всеми признаками Нового. Префиксы и суффиксы, имена и глаголы, сказуемые с их подлежащими, темы и ремы, времена и пространства, ритмы и рифмы, глоссы и экзотика послушны воле творца, как гвардия своему императору. Слова трансформируются, меняют роли и маски, вращаются вокруг собственной оси, сходят с орбиты, возвращаются, образуют созвездия, меркнут, снова загораются. Эта игра бесконечна.

…мне в голову пришло бессмысленное слово
эпитетом любым оснащено условно
невидимой рукой шлифованный болван
скрывающий внутри неведомый изъян
верчу его во рту, покуда не замечу
пригодность для письма и разговорной речи

Йозеф Бойс, революционер и левак, начинавший как непритворный борец с ветряными мельницами коммерции в искусстве, стал, как гласят справочники, самым «дотируемым» художником восьмидесятых. Да и все, что ныне идет под маркой «актуального искусства», начиналось, говорят, с этой донкихотской войны с деньгами, иерархией, музеями, институциями и т.д. и т.п. Ныне такого рода творцы весьма востребованы на рынке искусств, а иные из них богаты, как арабские шейхи. Не нам и не здесь уточнять этот термин – «актуальное искусство», покрывающий тьму разных явлений. Но само слово – «актуальный» наводит на мысль о сиюминутной связи с моментом, с «сегодня». Пластический момент в искусстве признан устаревшим и едва ли не реакционным. Произведение должно быть вписанным в современность, откликом на событие дня, а не самодостаточным микрокосмом. Искусство для искусства не модно. Ремесленная компетенция – удел прошлых эпох, говорят нам.

Пока иные поэты созидают тексты, похожие скорее на рифмованную публицистику, чем на Поэзию, а другие, на потеху невзыскательной аудитории, рифмуют «манда – елда», Литвак невозмутимо, подобно средневековому мастеру, подбирающему цветные стекла для витража, предается ни к чему не обязывающим увлекательным играм со словом и смыслом, звуком и графикой, мелодией и ритмом, аллюзиями и иллюзиями, кон-и-диссонансами, расставляет акценты, усиливает, ослабляет, оттеняет, – памятуя слова Романа Якобсона о самореферентности поэтического высказывания. Парадоксальным образом заветы Бойса, которым сам маэстро, увы, не следовал, здесь строго выполняются: Литвак бедна, как церковная мышь. Ее награда – как мы догадываемся – бескорыстное, ревностное служение музам. (Необъяснимо, но факт: гранты и премии систематически обходят стороной нашу героиню). Ветры современности не дуют в поэтической келье, родственной лаборатории алхимика. Катаклизмы мира в стихах Литвак явлены разве что в пародийной форме, симулирующей ленту новостей: … /пилота сдуло с трапа самолета/палаты переполнены больниц/на мысе Париньяса шеф полиции/ за кражу обвиняется яиц/ в Ганновере бастуют проститутки/бомжуют нелегалы в Костроме/ и т.д…

Политизированная, ангажированная поэзия – это не о Литвак. Возможно, она считает, и не без оснований, что этот жанр – удел либо недоумков, либо коньюнктурщиков. Хотя… Ведь были же Брехт, Сартр, Маяковский…

(Но мы, конечно, помним, что «бесполезность» чистого искусства – мнимая. Поэт, работая с языком, в его глубинах, обогащая его и изменяя, совершенствует Вселенную, которой без языка просто бы не было).

В кипении языковой магмы, в ее турбулентностях, происходят порой удивительные превращения.

темная варака
из ужаса и мрака
из холода и страха
не входит вместе с ней

это та сарага
не делая ни шага
незримо проникает
сквозь вещество вещей

та самая масата
размаха то что надо
букета и формата
взнестая на кропот

жемаха и чилаха
рискуя познает

Синтагмы и морфемы, сорванные с привычных мест, увлекаемые комбинаторным потоком, вступают в новые альянсы. Смысл брезжит, флуоресцирует на гребне очередной волны, подобно радужной пленке, но ускользает от всех толкований, сопротивляется окончательной интерпретации, не затвердевает, принуждая читателя либо к бесконечной герменевтике, либо приглашая, не мудрствуя лукаво, отдаться гипнотическому потоку, покачиваясь в такт заданному ритму. (Заумь, кстати, по Хлебникову – в родстве с заклинаниями, заговорами и т.п.).

Иногда магма сгущается в имена. Эти персонажи, рожденные игрой фонем, частые гости в текстах СЛ. Это «незнакомцы, в лицах которых чудится порой что- то знакомое». Гул языка взывает к припоминанию. Эхо множится, но его источник остается неведом. Игра зеркал, отраженные отражения отражений и так далее…

Вот лишь некоторые из них:

Инморино, Джугазунда, Мимоль, Сергей Зимовец, Икрикидев, Лаприслоня, мадам Альто, Жуба, господин Попино, господин Бьяншон, Рош-Югона де Сиризи, Ферро Массима де Тристи, Ван де Ронкероля Монриво, Ухихуте и Иллиры, Ксвянис Ротатнеммок, Агынстр, Мозельвейзер…

…… ……

Вот так-то

…… ……..

В нашей заметке мы ограничились лишь общими – неизбежно субъективными – замечаниями о стихах Литвак, отметив, по мере сил, лишь некоторые их особенности. Да на большее мы и не вправе претендовать. Наши ресурсы весьма ограниченны. Яркое и многоликое творчество Литвак еще ждет своих пристрастных и эрудированных исследователей.

***
звук, абсолютно непрерывный
насквозь упругой гласной проткнут
вокруг него весь мир стихами соткан
о звуке, абсолютно непрерывном

- Лиля Московкина,
Кленово, декабрь 2012

Об авторах

Александр Моцар

Родился 20 марта 1975 года.

Куратор сайта «Черновик». Лауреат журнала «Дети Ра» (2006 год). Вице-президент Академии Зауми Украины (АЗукр)

Автор многочисленных публикаций в России, Украине, США, Франции, Германии

В журналах:

«Черновик» (США), Стетоскоп (Франция) Журнал Поэтов (Россия), Футурум Арт (Россия), Дети Ра (Россия), Другие (Россия), Альманах Академии Зауми (Германия), АКТ (Россия), Словолов (Россия), Союз Писателей (Украина), СТЫХ (Украина) и д.р.

В антологиях:

Актуальная поэзия на Пушкинской 10 (Россия), Антология Поэтов (Россия), Киев (анатомия города) (Украина), Земляки (Россия). Наш выбор (антология свободного стиха) (США)

Участник международного фестиваля «Киевские лавры», биенале поэтов в Москве, фестивалей «Синанифест» (Ялта), «Крик на лужайке» и «Осеннее многоточие» (Днепропетровск)

Как художник, учувствовал в выставках: «Маргиналы и радикалы» (в рамках московского биенале поэтов в 2005г.), видиопоэзия в доме на Фонтанке – дом Ахматовой (Санкт-Петербург 2007г.), радикальная видеолитература L – галерея (Москва 2008г.)

В 2008 году выступал одним из организаторов международного мэйл-арт проекта «45 лет школы корреспонденции Рея Джонсона» (В Украине подобный проект проводился впервые).

Юлий Ильющенко

Родился в 1985 году в городе Могилеве (Республика Беларусь). По образованию - инженер. В 2008--2010 годах работал на заводе ОАО "Могилевхимволокно". Итогом этого периода стали: книга стихов "ЗАВОД" (в настоящее время не издана) и книжка детских стихов "Дети для Стихов" (существует в электронном виде). В 2010-2011 годах бук-артом вышли, книжка "Облака" (Тираж: 10 экз., в комплекте с диском) и книжка визуальной "надуми" (Тираж: 1 экз., факсимиле существует в электронном виде).

Интересуюсь русским литературным авангардом 1910--1930-х, "Лианозовской школой", московским концептуализмом, конкретистами, визуальной и звуковой поэзией, а также её современными экспериментальным формами и направлениями. В последнее время особое внимание уделяю изучению современного российского радикального искусства, работе в таких направлениях, как flarf poetry и google poetry, акционизму.

Являюсь организатором поэтических вечеров в Могилеве и Минске. Веду блог в ЖЖ http://yakizdat.livejournal.com/ и канал на YouTube http://www.youtube.com/yakizdatTV, где можно посмотреть большую часть моих личных и совместных проектов.

Олег Михальский

Родился в 1964 году в Москве. Вступил в Союз писателей XXI-го века в 2011-ом году. Публиковался в газетах "Поэтоград" и "Литературные известия", в журналах "Дети Ра" и "Футурум АРТ". Лауреат альманаха "Другие" 2012-го года. Главные мои книги: поэзосборник "Дикие стихи" и философский трактат "Нейростимулятор сверхчеловека". Живу в Москве. Все мои стихи - в журнале "Самиздат" Мошкова в моём разделе "195 классических *орно - 2" .

Бычков Андрей Станиславович

Писатель, сценарист, защитил диссертацию по физике элементарных частиц. Автор 6-ти книг прозы в России и 3-х на Западе (Франция, Бельгия, Югославия). Рассказы переводились и печатались также в журналах и альманахах Германии, Испании, США, Югославии, Венгрии, Китая, Франции и Бельгии. Книга «Дипендра» (2004) – лидер издательства по числу опубликованных на нее рецензий, номинировалась на премию Андрея Белого. Пьеса “Репертуар” участник Международного фестиваля IWP (USA), поставлена на Бродвее (“NYTW”, 2001). Бычков - лауреат премии русской литературы в Интернете “Тенета- 1999”, премии «Бродячая собака» Клуба литературного перформанса Зверевского центра современного искусства (2009), финалист премии “Антибукер-2000”, лауреат Специального приза Международного ялтинского кинорынка, Приза Эйзенштейна немецкой фирмы "Гемини-фильм" и Гильдии сценаристов России. Фильм «Нанкинский пейзаж», снятый режиссером Валерием Рубинчиком по его сценарию, удостоен трех международных наград. Учредитель премии «Звездный фаллос».

Александр Мурашов

Прозаик, поэт и филолог, родился в 1978 году в Москве, где и живу, автор двух прозаических книг "Оттиски на песке" (2003) и "Тысячегранник" (2013), публиковался в журнале "Знамя", альманахах "Абзац", "Акцент" и "Русская проза", а также на сайтах polutona, "Мегалит" и queerculture.ru

Дмитрий Колчигин

Поэт-авангардист, философ, представитель Международной Академии Зауми в Республике Казахстан; автор работ по истории и теории европейского эзотеризма. Автор симфонии сверхповестей

«Нотунг» (Алматы, 2011-2012) и панвавилонской оратории «Воста предъ всѣми» (Алматы, 2012). Художественные публикации в журналах «Другое Полушарие», «Журнал ПОэтов», в галерее журнала «Черновик», на сайте «Полутона».

Эдуард Кулемин

Родился в Ярославле в 1960 году. Окончил Московский энергетический институт. Художник, поэт, инициатор ряда арт-проектов. Вдохновитель и организатор разнообразных коммуникативно-творческих образований (КЭПНОС, Группа Неизвестных Художников, Ассоциация Проклятых Поэтов и др.). Участник многих художественных выставок и фестивалей (Россия, Германия, Норвегия, Бельгия, Франция, Италия, США, Канада и др.). Автор книг: "Кажется, состоялось" (1991), "Однохуйственный Улисс" (1994), "Искусственным путем" (1998), "Мультиматум" (2002). Имеет публикации в России и за рубежом: "Митин журнал" (С.Петербург), "Черновик" (Нью-Йорк), «Лимонка» (Моска), «Завтра» (Москва), "Гуманитарный фонд" (Москва), "Смоленский край"(Смоленск), «Читарь» (Пенза), ежемесячник Зверевского ЦСИ (Москва), «Другие» (Москва), «Топос» (интернет-издание), «Другое полушарие» (интернет-издание), Cool-Strip-Art-Antology (Македония), Risvolti (Италия). Включен в антологии: Crossing Centuries: The New Generation In Russian Poetry (США), «Нестоличная литература» (Москва). Имеет страницы на сайтах Стихи.ru и Проза.ru.

Драгиня Рамадански

Переводчик с русского и венгерского языков. Родилась в 1953 г. в сербском городе Сента, окончила филфак Белградского университета. Кандидатская диссертация по теме "Конструктивные особенности прозы В.В.Розанова", докторская - "Пародия в романе "Село Степанчиково и его обитатели". Составила антологию переводов из женской русской поэзии в которую вошли произведения одиннадцати "собеседниц" (Наталья Крандиевская, Мария Игнатьева, Ирина Машинская, Света Литвак, Юлия Скородумова, Фаина Гринберг, Татьяна Щербина, Елена Фанайлова, Светлана Бодрунова, Вера Павлова, Мария Степанова). Переводила стихи Иосифа Бродского, Михаила Кузмина, Марины Цветаевой, Николая Заболоцкого, Довида Кнута. Переводила прозу И. Анненского, В. Розанова, А. Аверченко, А. Белого, Ю. Лотмана, Б. Парамонова, Т. Толстой, Ф. Искандера, О. Комаровой, Н. Байтова, С. Гандлевского, Ю. Шифферса, И. Яркевича и др.

Опубликовала 35 книг переводов с русского и венгерского языков (Ф. Соллогуб, М. Башкирцева, В. Шкловский, М. Цветаева, М. Эпштейн, А. Генис, Б. Парамонов, Вик. Ерофеев, П. Крусанов, В. Сорокин; К. Ладик, Й. Сивери, И. Конц, О. Толнаи).

Поле её научных интересов составляет теория перевода (книга Снеговик в тропиках).

Преподает на кафедре русистики в Нови Саде, Сербия.

Глеб Коломиец

Родился в 1986 году в городе Туле. Имеет публикации в изданиях «Слова», «Топос», «Частный корреспондент», «Ван Гог», «НГ – Экс-Либрис», «ХуЛи», «Я. Д. Ы.» и др. Технический редактор литературно-философского журнала «Слова». Автор книги визуальной поэзии «Speaking Trashcans» (Avantacular press, 2010), сборника саунд-поэзии «The dog is barking» (релиз сайта Full of crow, 2010). Куратор «Первой выставки амесмичесокго письма в России» (Смоленск, 2010), выставок работ из антологии «The Last Vispo» (Смоленск, Тула, 2010), выставки «Дэвид Широ в Смоленске» (2012). Финалист литературной премии «Нонконформизм-2011» (номинация «Нонконформизм-поступок»).

Джейсон К.

Я, конченый алкаш и лузер, живу в Ландейле. Работаю за восемь с половиной долларов в час, и если бы не писал, то давно бы уже выстрелил себе в хуй. Я пищу, чтобы забыть этот мир. Он мне не нравится. Я сидел в тюрьме. Это мой первый роман. Наслаждайтесь. Будьте здоровы.

Дэвид Широ

Художник, поэт. Родился в г. Лафайетт (США, штат Индиана), вырос в Вермонте, жил в Готтингене (Гермения), Арле и Париже (Франция), Вроцлаве (Польша), Хастеваде (Швеция), Бостоне и Милуоки (США). Первые публикации появились в 1997 году. С тех пор опубликовался более чем в 70 изданиях в США, Бразилии, Англии, Инспании, Франции, Германии, России, Чили, Австралии, Югославии, Италии, Канаде, Аргентине, Мексике, Кубе, Турции, Японии, Голландии, Бельгии, Уругвае.

Билли Боб Бимер

Р. 1947, поэт, саунд поэт, перформансист, автор асемических текстов и визуальных поэм, литературовед; автор книг «фрагм преСИХО[в» («fragm epresiPOME[s»), «сихи словесной пыли» («word dust pomes»), «ранние сихи» («early pomes») и др.

Джим Лефтвич

Р. 1976, поэт, перформансист, автор визуальных стихотворений, автор книг «У КАК НА» («AT AS ON»), «Ни строчки за шесть месяцев» («Six month ain?t no sentence»), «Звуковая грязь» («Sound dirt») и др.

Питер Ганик

Р. 1946, поэт, автор книг «Опустошенный лес» («The Decimated Forest»), «Видимые корсары» («Apparitional Corsairs»), «Аранжировщик» («Arranger»), «Структура опыта» («Strukture of Experience»), «В унисон» («In Unison»), «Серая амбра» («Ambergris»), «Стихи без названий в среду вечером» («Untitled Poems for a Wednesday Evening»), «Поэзия» («A Poetry»), «Слеза изомер стирает запись О…» («Teardrop Isomer Erase Note O…»), «Человек» («Human») и др.